

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ярославский государственный
университет

В. П. ФЕДЮК

УКРАИНА В 1918 году.
ГЕТМАН П. П. СКОРОПАДСКИЙ

Учебное пособие

Ярославль 1993

ББК Т3(2 Ук)611+Т3(2)612.111
Ф35

Показаны обстоятельства возникновения и краха гетманского режима - первого из антибольшевистских государственных образований периода гражданской войны.

Предназначено для студентов-историков, аспирантов, преподавателей.

Р е ц е н з е н т ы: кафедра отечественной истории Ярославского педагогического института; Н.Т. Ерегина, кандидат исторических наук

ISBN 5-230-18237-7

(С) Ярославский
государственный
университет, 1993
(С) Обложка, Иванов В.П.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война была переломным этапом в жизни нашей страны. Неудивительно, что малоизвестные страницы ее вызывают сейчас особенный интерес. К их числу относятся и события 1918 г. на Украине, где в это время с помощью немецких штыков к власти пришел гетман П.П. Скоропадский. Трагическая судьба семейства Турбинах, рассказанная М.А. Булгаковым, - вот, пожалуй, единственный известный широкому читателю источник информации о тех днях. Но этот период представляет немалый интерес с точки зрения специального исторического анализа.

В правление гетмана Скоропадского антибольшевистское движение впервые обрело государственные формы. Поэтому выяснение обстоятельств становления и краха гетманской державы может помочь пониманию причин исхода противоборства "красной" и "белой" России. По степени влияния на общие пореволюционные процессы то, что происходило тогда на Украине, выходит за рамки чисто украинской истории, поднимаясь до всероссийского уровня. В данном случае, как и в дальнейшем, говоря о России, мы имеем в виду не современные geopolитические реалии. Хотелось бы нам этого или нет, но страна, называвшаяся прежде Российской империей, а позднее Советским Союзом, имела единую историю. То, что случалось в Киеве, мгновенно отзывалось в Москве и наоборот. Исходя из этого в последующем изложении под словом Россия (в отличие от Советской России) мы будем чисто географически понимать территорию, входившую до 1917 г. в состав единого государства. В этом же смысле используется определение "российский".

Как ни покажется странным, но правление гетмана Скоропадского практически не изучено. Что касается советских историков, то это можно объяснить существовавшим долгое время полуофициальным запретом на разработку тем, связанных с деятельностью антибольшевистских сил. Общие исследования о гражданской войне на Украине в лучшем случае поверхностно упоминали эти сюжеты¹. Лишь в последнее десятилетие, когда прежние установки ослабели, ряд авторов, занимавшихся историей российской контрреволюции, в контексте других проблем частично затрагивал интересующие нас вопросы².

Почти не привлекал гетманский режим и внимания русских эмигрантских историков. Это можно понять, поскольку сама идея

независимой Украины вызывала у участников белого движения стойкое неприятие. Удивительно, однако, что указанные сюжеты фактически в равной мере не затрагивались и историками из числа украинской националистической эмиграции. Исключением служат работы Д.И. Дорошенко, частично опубликованные на русском и в более полном виде на украинском языке³.

Между тем источников по этой теме вполне достаточно, в том числе и тех, которые всегда были относительно доступны. В 20-е - начале 30-х гг. в украинских исторических журналах было опубликовано большое число материалов об эпохе гетманщины⁴. Издавались и отдельные сборники документов. Уникальный характер, например, носила публикация дипломатической переписки германского посольства в Киеве⁵.

В СССР были опубликованы некоторые воспоминания участников антибольшевистского движения на Украине⁶. В последние годы число таких переизданий и репринтных воспроизведений значительно возросло. Появляются и оригинальные, никогда прежде не печатавшиеся мемуары на эту тему⁷.

Помимо опубликованных документов и воспоминаний, материалов из периодической печати, в настоящем пособии были использованы и архивные источники. Речь прежде всего идет о разведывательных сводках, справках и досье, собранных в свое время политической канцелярией Добровольческой армии. Эти документы содержатся в той части фондов Государственного архива Российской Федерации, которые до недавнего времени составляли Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР). Предвидя возможное в результате реорганизации изменение номенклатуры фондов и дел, мы сочли необходимым сохранить в примечаниях прежнее название архива. Поскольку использованные архивные дела, как правило, содержат под одной обложкой большое количество разнородных материалов, в примечаниях дается ссылка на конкретные документы. При этом автор исходил из того, что название и датировка документа нередко играют очень важную роль.

Что касается хронологии, то все даты в тексте начиная с 14 февраля 1918 г. даются по новому стилю. На Украине в ту пору официально был принят григорианский календарь. Добровольческая же армия по политическим соображениям сохраняла старый стиль. Поэтому в отдельных случаях даты в тексте могут не совпадать с датировкой документов.

Г л а в а I. ПЕРЕВОРОТ СКОРОПАДСКОГО

Гражданская война пришла на Украину раньше, чем в другие районы страны. После получения известий об Октябрьском перевороте киевский Совет сделал попытку захвата власти. Защитники Временного правительства объединились вокруг штаба военного округа, в распоряжении которого находились юнкерские училища и ударные батальоны. В ходе боев, продолжавшихся несколько дней, юнкера и "ударники" были разбиты, но плодами этой победы воспользовалась третья сила.

Еще весной 1917 г. в Киеве была создана Центральная Рада, в которую вошли представители ряда партий и общественных организаций украинской ориентации. Пользуясь слабостью центральной власти, Рада постепенно увеличивала свое влияние и к осени создала, по сути дела, параллельный государственный аппарат со своим парламентом - Малой Радой и органом исполнительной власти - Генеральным секретариатом. Вооруженной ее опорой стали "украинизированные" части, предусмотрительно отведенные с фронта в тыл. В дни октябрьских боев Рада первоначально не вмешивалась в происходящее, но в решающий момент заняла своими войсками важнейшие объекты в городе, объявив себя единственной носительницей власти на Украине. В опубликованном от имени Рады 7 ноября 1917 г. "третьем универсале" (декрете) было провозглашено создание Украинской народной республики (УНР).

Во взаимоотношениях новых властей Петрограда и Киева на первых порах преобладало настороженное невмешательство. Советское правительство формально признало право украинского народа на самоопределение. Одной из первых акций большевиков стала передача Украине исторических реликвий запорожской эпохи, хранившихся до того в петроградских музеях. Собственно, и саму Раду, в составе которой преобладали социалисты, современники считали "полубольшевистской". Декларированная в "третьем универсале" политическая программа: конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день, введение рабочего контроля на предприятиях - мало отличалась от содержания советских декретов. Но, несмотря на это, уже через месяц между Петроградом и Киевом произошел разрыв.

В начале декабря Совнарком ультимативно потребовал от Рады остановить перемещение украинских частей с фронта, прекратить разоружение красногвардейских отрядов, а также пропустить советские войска на Дон для борьбы с Калединым¹. Украинские власти ответили по всем пунктам отрицательно. Обе стороны, казалось, преднамеренно нагнетали напряжение. Во всяком случае Рада должна была предполагать последствия, когда в свою очередь предъявила большевикам требование передать власть правительству из числа всех социалистических партий. Неудивительно, что полученный ответ был воспринят в Петрограде как "границающий с издевательством"². Следующим этапом эскалации конфликта стал созыв в Харькове 1-го Всеукраинского съезда Советов, объявившего Раду вне закона. В ответ 11 января 1918 г. она выпустила "четвертый универсал", провозглашавший полную независимость Украины. Но уже через две недели Рада и правительство УНР под натиском большевиков были вынуждены бежать из Киева, найдя приют сначала в Житомире, а затем в маленьком городке Сарны на самой линии фронта.

Ранее украинские власти пытались найти опору, способную стать противовесом большевикам. В декабре 1917 г. военные представители Англии и Франции "де-факто" признали существование нового государства³. Расчет был на то, что Украина в какой-то мере сумеет заменить вышедшую из войны Россию и оттянуть на себя часть германских сил. Но вновь созданный Украинский фронт, объединивший прежние Юго-Западный и Румынский фронты, разваливался на глазах. Ненадежны были и "украинизированные" полки. С учетом настроения масс все это делало совершенно невозможным любое продолжение военных действий.

Решением Рады в Брест-Литовск, где тогда шли переговоры Советской России с Германией и ее союзниками, была направлена украинская делегация. Поначалу появление представителей страны, о существовании которой никто не догадывался, произвело на переговорах некоторое замешательство. Но опытная германская дипломатия быстро сумела включить Украину в свою политическую игру. Сами немцы считали, что украинское правительство "представляет собой фиктивное понятие"⁴. Однако признание его позволяло оказать давление на большевиков; а главное - давало надежду на получение с Украины продовольствия, что было жизненно важно для истощенной и изолированной фронтами Германии. Итогом

этих комбинаций стало подписание украинской делегацией 26 января 1918 г. мира с центральными державами. Согласно одному из его условий украинская сторона обязалась поставлять Германии и Австро-Венгрии сырье и продукты в необходимых им количествах. Позднейшая конкретизация этих договоренностей определяла поставки в размере 60 млн пудов хлеба, 2 млн 750 тыс. пудов живого веса рогатого скота, 300 вагонов строевого леса ежемесячно, 37 млн пудов железной руды и так далее, вплоть до пеньки и щетины⁵. В свою очередь, Германия и Австро-Венгрия секретным соглашением брали на себя обязательство очистить Украину от большевиков.

Немецкое наступление началось 18 февраля 1918 г. одновременно по всей линии фронта. Красногвардейские отряды пытались оказать сопротивление, но силы были неравными. Вечером 1 марта передовые разъезды гайдамаков - "союзной" украинской армии - вступили в Киев. На Думской площади у постамента снесенного годом раньше памятника Столыпину перед кучкой согнанных с соседних улиц прохожих была провозглашена реставрация прежнего режима: На следующий день в город вошли немцы. "В шлемах, при строгой выпрявке, - вспоминал очевидец, - размеренным шагом враскачуку двигалась зелено-серая масса пехоты в виде липкой страшной массы гусениц"⁶. Оккупанты быстро навели в Киеве порядок по своему усмотрению. Передавали, что немецкий комендант города первым делом нанял баб, которые за целковый в сутки отмыли изрядно загаженный за время революции деревянный киевский вокзал. На улицах появились аккуратные таблички и указатели на немецком языке, в аристократической части города, Липках, расположилось германское Оберкомандо.

Малая Рада вновь обосновалась под высоким стеклянным куполом Педагогического музея на Владимирской улице, на фронтонае которого гранитная надпись "На благое просвещение русского народа" была спешно затянута желто-голубым полотнищем. Это здание, построенное в 1911 г. на средства киевского миллионера Могильницкого, стало пользоваться в городе недобром славой после того, как присутствовавший на его торжественном освящении П.А. Столыпин через два дня был убит. Именно здесь, в Педагогическом музее, суждено было разыграться прологу и эпилогу гетманской эпопеи.

С первых же дней Рада оказалась в плосу собственных противоречивых обещаний. В "четвертом универсале" она провозгласила социализацию земли, государственный контроль над

банками, национализацию внешней торговли, обещала еще до весеннего сева провести аграрную реформу. На этот раз Рада не могла уже так просто отказаться от выданных векселей, не рискуя при этом окончательно потерять поддержку масс. По возвращении в Киев премьер-министр В.А. Голубович подтвердил неизменность прежнего курса: "Мы остались теми же социалистами, какими были и раньше"⁷. Это вызвало по адресу Рады упреки справа, прежде всего со стороны крупных землевладельцев, опасавшихся за судьбу своей собственности.

Но и среди крестьянства реальная политика оккупантов и их украинских союзников встречала недовольство. Тревожные известия с мест проникали и в стены Педагогического музея. На первом же заседании Рады один из депутатов говорил: <<С появлением у нас германцев, призванных нами на помощь, помещики стали проявлять некоторую активность. Возвращаясь в села, помещики запугивают крестьян, распускают всякие слухи, ведут агитацию. Слышатся такие фразы по адресу крестьянства: "Земелька ухнула! Каждый получит столько земли, сколько унесет на плечах". Крестьянство взорвано>>⁸. Однако дальнее констатации этих фактов Рада, во всех отношениях зависевшая от немцев, пойти не могла.

В первых своих декларациях Рада обещала передать власть Всеукраинскому учредительному собранию. Созыв его был первоначально намечен на 9 января 1918 г. Но в то время даже выборы успели состояться далеко не везде. Тем не менее и первые их итоги были достаточно показательны. В Киеве, например, большевики получили около 10% голосов - почти в три раза больше, чем правительственные партии украинских социал-демократов⁹. После своего возвращения Рада была вынуждена подтвердить обещание созыва Учредительного собрания, определив в качестве даты для этого 12 мая 1918 г. Данное решение окончательно оттолкнуло правых, но и либеральная демократия тоже оказалась в оппозиции к Раде. Поводом для этого стал запрет демонстрации в честь годовщины Февральской революции. Не полагаясь на свои силы, министр внутренних дел М.С. Ткаченко обратился за помощью к немцам. В день предполагавшегося проведения демонстрации улицы Киева были перекрыты немецкими кордонами с броневиками и пулеметными командами, в Коммерческом институте немцы разогнали начавшийся было митинг. Ответом на это стала мощная однодневная забастовка, охватившая большинство предприятий города.

Среди многонационального населения Киева отрицательную реакцию вызывали и предпринимаемые правительством попытки насилиственной украинизации. Как ни странно, столица Украины была наименее украинизированным городом. Достаточно сказать, что на уже упоминавшихся выборах откровенно украинофобский "беспартийный блок русских избирателей" (под руководством В.В. Шульгина) собрал более трети голосов, обогнав по этому показателю все украинские партии, вместе взятые.

К весне 1918 г. в Киеве скопилось до 30 тыс. бывших офицеров, дальнейший путь домой которым преграждала гражданская война¹⁰. Большая часть из них не имела никаких средств к существованию. В Министерстве по великокорусским делам (кстати, упраздненном в конце марта) офицеры вповалку ночевали на полу. Это была взрывоопасная масса, украинские же власти, как нарочно, делали все, чтобы настроить ее против себя. Военный министр А.Т. Жуковский (бывший полковник русской службы) одним из первых приказов запретил ношение знаков различия прежней русской армии¹¹. Естественно, что после этого офицеры относились к Раде ничуть не лучше, чем к большевикам, также срывавшим с их плеч погоны. Объявленная позднее регистрация офицерства была воспринята как пролог к массовым репрессиям. Основание для этого давали и речи в Раде, где звучали призывы к созданию концентрационных лагерей для русских с тем, чтобы потом спросить с России за их содержание¹².

В итоге Рада и правительство через считанные недели после возвращения в столицу оказались в социальном вакууме, нигде не имея прочной поддержки. Таковой не могли считаться уже и немцы. В их глазах украинская сторона все больше выглядела ненадежным партнером. Даже ратификация Радой Брестского соглашения не обошлась без неожиданностей: против этого проголосовали фракции русских эсеров, социал-демократов, Бунда и "польский централ"¹³. Но больше всего Германию беспокоила перспектива невыполнения продовольственных поставок. Этот страх в немцах поддерживали и представители киевских правых кругов, пугавшие тем, что в случае уничтожения помещичьей собственности весенний сев будет сорван. Германская дипломатия, нередко конфликтовавшая с оккупационным командованием, по этому вопросу полностью сходилась с ним во взглядах.

Немецким послом в Киеве был барон А. Мумм фон Шварценштейн, возглавлявший прежде посольства в Пекине и Токио.

В бытность свою в Китае после "боксерского" восстания, жестоко подавленного соединенными силами европейских стран, он прославился грубым и высокомерным отношением к местному населению. На новой должности Мумм во многом сохранил прежние манеры и не скрывал пренебрежения к украинским властям. Схожей фигурой был посол Австро-Венгрии граф И. Форгач фон Гимес-Гачес. Говорили, что в 1914 г. именно он стал автором австро-венгерского ультиматума Сербии, давшего толчок к мировой войне. В Вене Форгач пользовался репутацией славянофоба, что тем не менее не помешало его назначению.

Из Берлина тоже требовали более жесткого курса по отношению к украинским властям. Заместитель министра иностранных дел Германии Г. Буше 26 марта 1918 г. телеграфировал немецкому послу в Киеве: "Мы далеки от мысли о вмешательстве во внутренние дела Украины, однако вынуждены следить за тем, чтобы обработка полей производилась в полном объеме, даже если для этого придется пожертвовать теми или иными принципами"¹⁴. Последние слова нужно было понимать как санкционированный отказ от позиции сторонних наблюдателей. Спустя две недели, 10 апреля 1918 г., в киевских газетах появилось распоряжение за подписью германского командующего, обязывавшее всех землевладельцев в кратчайший срок завершить весенний сев. Под страхом наказания крестьянам было предписано возвратить захваченные помещичьи земли и имущество прежним владельцам. Приказ означал, что немцы не собираются более довольствоваться формальной ролью союзников и готовы диктовать свои правила поведения.

Оккупационные войска, составлявшие группу армий "Киев", возглавлял генерал-фельдмаршал Г. Эйхгорн, к слову, внук знаменитого философа Ф. Шеллинга. Семидесятилетний фельдмаршал, в молодости участвовавший в войнах, когда железом и кровью создавалась Германская империя, разделял характерное для многих военных убеждение в том, что оружие является решающим аргументом в любых спорах. Именно в штабе Эйхгорна к началу апреля и родился план государственного переворота на Украине.

Первоначально рассматривался вопрос об учреждении в крае генерал-губернаторства по образцу немецкой оккупационной администрации в Бельгии. Но в 1918 г. Германия не имела для этого уже ни сил, ни возможностей. Другим вариантом было создание, подобно Литве и Финляндии, марионеточного "королевства" с германским принцем на престоле. Существовал уже и кандидат на

украинский трон - австрийский эрцгерцог Вильгельм Габсбург, принявший имя Василя Вышиваного. В Киеве его поддерживали те круги, которые были связаны с довоенной националистической эмиграцией, ориентировавшейся в основном на Австро-Венгрию. Но влияние их было невелико, к тому же Германия отнюдь не хотела превращения Украины в зону австрийского контроля. В этих условиях и всплыло имя сорокапятилетнего генерал-лейтенанта русской службы П.П. Скоропадского.

Фамилия Скоропадского позднее не раз обыгрывалась в язвительных каламбурах, но весной 1918 г. она оказалась едва ли не важнейшим козырем претендента в диктаторы. Дело в том, что в числе его предков был стародубский полковник Иван Скоропадский, получивший от Петра I за верность гетманскую булаву после измены Мазепы. Царь пожаловал своему ставленнику обширные имения на Полтавщине, доходы от которых позволили его потомкам влиться в круг высшей столичной аристократии.

Подобно большинству сверстников из своей среды, Скоропадский получил образование в Пажеском корпусе, по окончании которого поступил офицером в престижнейший Кавалергардский полк. Однако за пятнадцать лет службы он не продвинулся дальше временно исполняющего обязанности командира эскадрона, что не могло удовлетворить его честолюбивую натуру. С началом русско-японской войны, рассчитывая найти на полях сражений почести и славу, Скоропадский в качестве есаула Забайкальского казачьего войска направился на Дальний Восток. Впрочем, должность адъютанта главнокомандующего избавила его от риска, сопряженного с участием в боях. Но и война не принесла ему желаемого взлета. Белые георгиевские крестики доставались другим, а Скоропадскому пришлось довольствоваться уже после заключения мира Анной III степени с мечами и бантом¹⁵.

За несколько лет до этого Скоропадский женился на Александре Дурново, происходившей из влиятельного клана, один из представителей которого был назначен в разгар первой русской революции министром внутренних дел. Трудно сказать, имела ли тут место протекция нового родственника, но неожиданно продвижение Скоропадского по службе ускорилось. В 1905 г. он стал флигель-адъютантом Свиты, через год получил чин полковника. Мировую войну Скоропадский начал генерал-майором, командуя Лейб-гвардии Конным полком. За сражения в Восточной Пруссии он, наконец, получил вожделенного Георгия IV степени. К началу 1917 г., будучи

уже генерал-лейтенантом, Скоропадский командовал 34-м армейским корпусом, находившимся на Юго-Западном фронте.

Позднейшие биографы Скоропадского пытались доказать его изначальную приверженность идее независимости Украины, утверждая, что над усадьбой в полтавском имении Тростянец, где родился будущий гетман, всегда развевался желто-голубой флаг¹⁶. В официальную биографию "вождя украинского народа" явно не вписывался тот факт, что настоящим местом его рождения был германский курорт Висбаден. Что до национальной идеи, то трудно было рассчитывать на восприятие ее представителем космополитического петербургского света. Уже после гетманского переворота немецкая дипломатия обнаружила, но, разумеется, не предала гласности тот факт, что еще в 1914 г. Скоропадский отрицал само существование украинцев и объяснял национальное движение исключительно следствием австрийских интриг¹⁷.

Летом 1917 г., когда по настоянию Центральной Рады Временное правительство оказалось вынужденным дать согласие на "украинизацию" армии, Скоропадскому с его корпусом было поручено провести эту операцию. Но на брошенный призыв откликнулись прежде всего те из солдат и офицеров, кто рассчитывал, что, "если из них будут формировать особые части, будь то украинские, еврейские или персидские, они не скоро попадут на фронт"¹⁸. Поэтому, хотя корпус, получивший название I-го Украинского, насчитывал к осени до 40 тыс. человек, реально он был мало боеспособен¹⁹. Бесконечные митинги неудержимо разлагали его, и сохранить корпус как единое целое становилось попросту невозможно. Это побудило Скоропадского в середине декабря 1917 г. сложить командование и уехать в Киев. Как оказалось, он сделал это вовремя: его преемник генерал Гандзюк продержался на своем посту немногим более двух недель и был убит солдатами.

К тому времени имя Скоропадского получило известность в украинских кругах, точнее, среди той меньшей их части, которая находилась в оппозиции к Раде и поддерживала идею окрашенной в национальные цвета сильной власти. В начале октября на съезде в Чигирине Скоропадский был провозглашен атаманом вольного казачества. Это ли подхлестнуло его честолюбие или само смутное время, дававшее простор для авантюристов всех мастей, но едва Скоропадский оказался в Киеве после своего отъезда из корпуса, он развернул там интригу, направленную на свержение Рады. С данной целью он вошел в контакт с французской военной миссией, с

командованием дислоцированных на Украине Польского и Чехословацкого корпусов. Но французы ограничились выражением общего сочувствия, поляки и чехи вообще уклонились от переговоров. Тем временем ситуация изменилась, и в Киев пришли большевики.

В период их пребывания у власти Скоропадский скрывался под чужим именем, а по возвращении Рады вновь погрузился в атмосферу заговора. Похоже, что правительство и Рада имели какую-то информацию на этот счет. Во всяком случае 10 марта 1918 г. Скоропадский был уволен со службы в отставку²⁰. Тем временем ему удалось создать (в основном из числа бывших сослуживцев) тайную офицерскую организацию - "Украинскую народную громаду". Всего в заговоре состояло не более двух десятков человек, но для осуществления дворцовского переворота этого было достаточно.

Существуют любопытные свидетельства, позволяющие предположить, что планы гетманского переворота разрабатывались действовавшей в Киеве тайной масонской ложей "Нарцисс", в которой Скоропадский имел высокий ранг "мастера"²¹. Но, к сожалению, трудно выяснить, достоверна ли эта информация или же она является отражением распространенной в то время легенды, приписывавшей масонам организацию всех политических катаклизмов.

В любом случае переворот требовал более серьезной поддержки, и таковая нашлась. Еще в мае 1917 г. в Лубнах Полтавской губернии прошел учредительный съезд Хлеборобско-демократической партии, представлявшей часть местных помещиков и зажиточных крестьян. Программа партии сводилась к двум требованиям: неприкосновенности частной собственности и выкупу помещичьей земли с последующим разделом ее между крестьянами²². Деятельность партии не вышла за границы уезда, но в отличие от подобных мелких и мельчайших организаций, выраставших в ту пору как грибы, она все-таки не умерла сразу после первого съезда. Толчком к возобновлению ее деятельности стала аграрная политика Рады. В тех же Лубнах 25 марта 1918 г. состоялся новый съезд, на котором присутствовало более 2 тыс. делегатов, на этот раз уже от шести уездов губернии. Съезд потребовал отмены социализации земли и "обеспечения законности как для социалистов, так и для несоциалистов". Группа делегатов во главе с инициатором съезда инженером С.Шеметом выехала в Киев для того, чтобы представить властям принятые резолюции. Однако все их попытки проникнуть на заседание Рады окончились неудачно. Более приветливо депутатию встретили в Союзе земельных собственников.

Всероссийский союз земельных собственников был создан во время первой русской революции и вновь возродился в 1917 г. Своей задачей он ставил защиту интересов крупных землевладельцев в преддверии готовившейся тогда земельной реформы. После провозглашения независимости Украины местные отделы Союза обособились во Всеукраинский союз хлеборобов. Разумеется, и председатель Союза, бывший винницкий предводитель дворянства граф Д.Ф. Гейден, и другие руководители организации меньше всего были проникнуты украинской идеей. Но ради сохранения своего положения они готовы были перекраситься в любые цвета. Декларированный же Радой земельный закон как раз грозил это положение подорвать. В результате "хлеборобы-демократы" и руководство земельных собственников заключили соглашение о созыве в Киеве хлеборобского съезда.

Организаторам его нужен был популярный лидер, способный возглавить оппозицию. Возможно, именно "хлеборобы-демократы" предложили кандидатуру своего земляка П.П.Скоропадского. Позднее, уже в правление самого гетмана, земляческий принцип использовался очень активно при замещении важнейших государственных вакансий. Достаточно сказать, что в первом составе правительства половина министерских кресел была занята уроженцами Полтавской губернии. Что касается "хлеборобов-демократов", то похоже, что они первоначально не планировали полного устраниния Рады и были готовы довольствоваться кадровыми перемещениями в составе кабинета. Позднее эта партия, сыгравшая немалую роль в приходе Скоропадского к власти, заняла критическую позицию по отношению к гетманскому режиму и не принимала участия в правительственные комбинациях.

Успех готовившегося заговора зависел прежде всего от немцев. По словам самого Скоропадского, первая его встреча с представителями германского командования произошла 10 апреля 1918 г.²³ Судя по всему, немцы в ту пору еще продолжали колебаться. Однако нужно было спешить, ибо на подготовку переворота отводилось короткое время - с 23 апреля по 12 мая. Первая дата объяснялась намеченным на этот день подписанием украино-германского договора о продовольственных поставках. Немцы не хотели связывать данное событие с плохо предсказуемым будущим и предпочитали, чтобы законную силу соглашению придало уже существующее правительство. Что касается 12 мая, то это был срок обещанного

Радой открытия Всеукраинского учредительного собрания, допускать которое немцы были не намерены.

Трудно точно сказать, когда же было заключено соглашение между Скоропадским и немцами. Гетманский министр Д.И.Дорошенко, весьма осведомленный современник, называет таковой датой 24 апреля²⁴. Но в одном из позднейших писем украинский посол в Берлине барон Ф.Р. Штейнгель приводит другую дату - 18 апреля²⁵. Объяснить данное расхождение можно лишь тем, что детали соглашения вырабатывались на нескольких встречах. Видимо, все же окончательное решение было принято 24 апреля. В этот день в штабе Эйхгорна состоялось совещание, на котором присутствовали немецкий и австрийский послы и высшие чины оккупационного командования. Вечером того же дня Скоропадский встретился с начальником штаба немецких войск генералом В. Грёнером. В обмен на обещание поддержки Грёнер выдвинул перед кандидатом в диктаторы ряд условий. Новое украинское правительство обязано было признать Брест-Литовский договор. Рада распустилась, а любые новые выборы могли проводиться только по соглашению с германским командованием. В основе будущей земельной реформы предполагалось сохранить принцип частной собственности. Украина отказывалась от собственной армии и передоверяла защиту своих границ немецким войскам. Что касается последних, то украинские власти брали на себя снабжение их продовольствием, а в перспективе обязаны были и оплатить военную помощь со стороны Германии²⁶.

Заговор созрел окончательно. Его участникам нужен был лишь формальный повод для того, чтобы нейтрализовать Раду, и повод этот поспешила дать сама украинская "демократия". После приказа о весеннем севе в Киеве открыто начали говорить о готовящемся перевороте. Эту атмосферу должны были ощущать и украинские власти. Пожалуй, что в ответ они решили ударить кулаком по столу, но даже это не сумели сделать в открытую.

Среди спекулянтов, которых, как мух на мед, влекла возможность нажиться на поставках в Германию, выделялся директор киевского отделения Русского для внешней торговли банка А.Ю. Добрый. Это был темный делец, связанный ранее с распутинской кликой и германской разведкой. В 1916 г. он уже отсидел пять месяцев в тюрьме по обвинению в организации фантастической по наглости операции - продаже противнику большой партии русского сахара - и освобожден был только после революции²⁷. Сейчас Добрый

возглавлял "Германо-украинское экономическое бюро", широко распродававшее богатства Украины. Вечером 25 апреля 1918 г., когда он вернулся домой после очередной сделки, к нему на квартиру явились трое вооруженных людей. Предъявив мандат от имени некоего "Комитета освобождения Украины", они арестовали банкира и увезли его с собой на поджидавшем у подъезда черном автомобиле.

Поначалу эта история серьезно испугала германское командование. Отношение населения к оккупантам не было тайной, и пронесся слух, что в городе готовится "сицилийская вечерня", в ходе которой будут вырезаны все немцы. На следующий день после похищения Доброго в печати был опубликован приказ Эйхгорна о военно-полевых судах. Отныне лица, обвиняемые в преступлениях, так или иначе затрагивающих германские интересы, независимо от своего гражданства и национальности подлежали не украинскому, а немецкому суду²⁸. В ночь с 26 на 27 апреля немцы разоружили I-ю Украинскую дивизию ("синежупанников"), составлявшую главную опору Рады.

Впрочем, к этому времени пропавший банкир уже объявился в харьковской гостинице "Астория". Похитители проявили сговорчивость и за предложенную Доброму взятку в 100 тыс. руб. согласились отвезти его не в захолустный Путивль, как было намечено по плану, а в Харьков, где ему оставалось обратиться за помощью к первому же немецкому лейтенанту²⁹. Стали известны и имена участников похищения. Ими были чиновник по особым поручениям украинского Министерства внутренних дел А. Осипов и адъютанты военного министра Федоров и Чернобородов. Когда немцы арестовали их, они не стали запираться и в деталях изложили обстоятельства этого дела, оказавшиеся совершенно неожиданными.

Выяснилось, что приказ о похищении Доброго был отдан министром внутренних дел М.С. Ткаченко. А военный министр А.Т. Жуковский делегировал в его распоряжение своих адъютантов и снабдил похитителей оружием. Техническая подготовка операции была возложена на директора департамента общих дел Ю.И. Гаевского и начальника милиции Богацкого, непосредственное же осуществление ее поручено Осипову. В деле оказался замешан и начальник сыскного отделения, "киевский Лекок", Н.А. Красовский. За семь лет до этого он фигурировал в печально знаменитом деле Бейлиса. Тогда Красовский, занимавший тот же пост, на свою беду быстро раскрыл настоящих виновников убийства гимназиста А. Ющинского. Но политические силы, которым было выгодно обвинить

в этом М. Бейлиса, добились ухода Красовского в отставку. В 1917 г. он был восстановлен в своей должности, но судьба вновь втянула его в грязную политическую игру. На другой день после похищения Доброго сыскная полиция совершила налет на третьюразрядную гостиницу "Бельгия", находившуюся на Подвалной улице. При обыске в номере, где жил некий Выгранов, известный в киевском уголовном мире как "Алешка-пирожник", обнаружились документы, свидетельствовавшие о том, что именно здесь располагался штаб "Комитета освобождения Украины". Знакомства с ними было достаточно, чтобы понять политическую подоплеку дела. Красовский же решил промолчать. Но точно так же, как прежде он пострадал за чрезмерное рвение, ныне ему в вину было поставлено невыполнение служебных обязанностей.

С точки зрения логики, трудно понять, зачем украинским властям понадобилась вся эта история с похищением, где политика тесно переплеталась с прямой уголовщиной. Если ставилась цель оказать давление на немцев, то результат был достигнут обратный. Дело Доброго окончательно подписало Раде смертный приговор.

На следующий день после появления приказа о военно-полевых судах Рада спешно собралась на экстренное заседание. Главным вопросом было новое грубое вмешательство немцев в украинские дела. В своем объяснении премьер-министр В.А. Голубович назвал поведение германского командования следствием "полной неориентированности и неумения разобраться в наших делах, а может быть - и нежелания"³⁰. Он заявил, что кабинет готовит обращение к правительству Германии с требованием отзоваться Эйхгорна. Выступавшие вслед за этим депутаты до позднего вечера метали громы и молнии в адрес немцев. Назавтра, 28 апреля 1918 г., обсуждение было продолжено в том же духе. Около четырех часов пополудни публика, собравшаяся, пользуясь теплым днем, на открытой веранде кафе "Метрополь", могла наблюдать, как подошедший немецкий отряд быстро занял подходы к Педагогическому музею со стороны Фундуклеевской улицы и Бибиковского бульвара. Группа вооруженных солдат вошла в здание.

В зале заседаний в это время от имени парламентской оппозиции выступал депутат М.Г. Рафес. Он пытался очертить положение, потонувшее "в море слов, сказанных... к делу и не к делу". Немцы, отмечал он, не считаются с Радой, но виноваты в этом прежде всего те, кто призвал их на Украину. "Говорю об этом, - продолжал Рафес, - не со злорадством, а с печалью в душе". При этих

словах с лестницы донесся шум, дверь в зал распахнулась и на пороге появились немецкие солдаты. Сопровождавший их офицер подошел к трибуне и на ломаном русском языке крикнул: "По распоряжению германского командования объявляю всех присутствующих арестованными. Руки вверх!" Солдаты взяли ружья на прицел³¹.

Депутаты застыли на местах с поднятыми руками. Офицер же огласил имена Ткаченко, Жуковского и Гаевского как подлежащих немедленному аресту. Из перечисленных в зале оказался только Гаевский, который был взят под стражу. За компанию немцы прихватили и управляющего Министерством иностранных дел В.Ю. Любинского, слишком шумно протестовавшего против вторжения. Прочие депутаты были обысканы и заперты в соседней комнате. <<Мы столпились в указанном нам помещении, - вспоминал участник этой сцены. - Комизм положения невольно настроил всех юмористически. Обсуждали вопрос, что же с нами будет - поведут ли в тюрьму или, может быть, вышлют в концентрационный лагерь... Наше сидение взаперти продолжалось не больше часу. Вдруг двери на лестницу раскрылись и кто-то грубым и насмешливым тоном крикнул нам: "Raus! Nach House gehen!" (Вон! Расходитесь по домам!). Мы спустились по лестнице вниз. На улице у входа в здание Рады стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытных глядела на пикантное зрелище. Мы разошлись по домам>>³².

Три месяца спустя в Киеве состоялся суд по делу о похищении Доброго. Заседания, продолжавшиеся с 22 по 25 июля 1918 г., проходили на основании приказа о военно-полевых судах, т.е. по канонам германской военной юстиции. На скамье подсудимых оказались Жуковский, Гаевский, Богацкий, Красовский и Осипов. Бывший министр внутренних дел Ткаченко скрылся, и разыскать его не удалось³³. Двое же из непосредственных исполнителей похищения - Федоров и Чернобородов - как введенные в заблуждение фигурировали только в качестве свидетелей. В том же качестве первоначально был приглашен и бывший премьер Голубович. Но в ходе перекрестных допросов выяснилось, что он заранее был осведомлен о готовящейся акции, и со свидетельской скамьи недавний глава украинского кабинета перекочевал на скамью подсудимых. В итоге разбирательства Голубович и Жуковский были приговорены к двум годам тюрьмы, остальные подсудимые - к одному году³⁴.

Однако вернемся к событиям весны 1918 г. На следующий день после описанной выше сцены украинские парламентарии еще раз собрались в здании Педагогического музея. В спешном порядке они

утвердили конституцию Украины и избрали президентом председателя Рады М.С. Грушевского. Но событие, которое в другое время вызвало бы огромный резонанс, на этот раз прошло никем не замеченным. Изменчивое внимание публики перекинулось с политического театра, каковым являлась Рада, на представление другого рода, на этот раз - цирковое.

29 апреля 1918 г. в Киеве открылся Всеукраинский съезд хлеборобов. Официально на него было избрано 6 432 делегата, но в действительности их съехалось более 8 тыс. Как доносил в Берлин германский посол, "частично депутатами несомненно состояли из bone fide (настоящих) крестьян, частью же эти депутаты были инсенированы крупными помещиками и вновь организующейся национально-демократической партией, за которой, как передают, стоит генерал Скоропадский..."³⁵. Для такой массы людей в городе не нашлось ни одного подходящего зала, и организаторам съезда пришлось арендовать помещение цирка на Николаевской улице. Подходы к зданию были заняты немецкими патрулями, на крыше цирка расположился солдат с пулеметом.

Заседания съезда начались в 11 часов дня. С главным докладом выступил профессор Б.А.Кистяковский, посвятивший основное время критике аграрной политики Рады. "Наши законодатели, - говорил он, - навязывают нам великорусские общинные порядки. Что вы можете сказать о таких законодателях, называющих себя украинцами?" Из зала, как и следовало ожидать, раздались выкрики: "Долой их!" К слову, эта речь, как и большинство последующих, была произнесена по-русски.

Выступившие затем делегаты с мест поддержали заданный тон. Представитель херсонского земельного банка А.В. Рейхерт под овации зала заявил: "Довольно социалистических экспериментов, социалистам не место у власти. Украинское Учредительное собрание избиралось под угрозой штыков дезертиров, а потому не должно состояться. К государственному строительству должны быть привлечены не недоросли-политиканы, а здравые силы страны". Его поддержал делегат от Золотоноши П.В. Максимович: "Социалисты отняли у народа все его достояние, честь, государство, свободу и всю надежду на будущее... Низведение государства до положения страны негров и папуасов недопустимо".

Атмосфера в зале накалялась с каждой минутой. Около трех часов пополудни в ложе в сопровождении адъютантов показался Скоропадский. Его появление было встречено аплодисментами и

приветственными криками. Председательствующий провозгласил: "Слово предоставляется ясновельможному пану гетману Скоропадскому". Тут произошла накладка: об учреждении гетманства и избрании на этот пост Скоропадского до того не было сказано ни слова. По предварительному сценарию это предполагалось сделать на следующий день. Впрочем, если кто и обратил внимание на эту "мелочь", то афишировать ее не стал. Спустившись на арену, Скоропадский произнес краткую речь: "Господа! Искренне благодарю вас за предложенную власть. Не для собственной выгоды беру ее на себя, а для прекращения анархии принимаю эту власть от вас. На вас и на благоразумные слои населения я буду опираться. Молю Бога, чтобы он помог мне спасти Украину от крови и гибели, перед которой она стоит"³⁶.

Дело было сделано, и дальнейшее продолжение съезда теряло смысл. Быстро свернув работу, делегаты направились на площадь к Софийскому собору. Здесь уже собирались, словно оповещенные заранее, представители чиновных кругов Киева, многочисленные фотографы, корреспонденты иностранных газет, местные журналисты. В сопровождении свиты Скоропадский вступил в собор через парадные врата, где его уже ждало высшее духовенство. Епископ Никодим на площади совершил молебен, провозгласив "многие лета гетману Павлу".

Накануне хлеборобского съезда местными отделами Союза земельных собственников в Киев были командированы наиболее доверенные офицеры. Они составили отряд (общим числом не более ста человек) под началом полковника князя Оболенского. Когда на Софийской площади шел молебен, отряд начал захват важнейших объектов в городе: Рада в те часы еще продолжала заседать. Охранявшие ее галицийские "сичевые стрельцы" попытались организовать сопротивление заговорщикам. В стычке было убито три гетманских офицера, ставших единственными жертвами переворота. Депутаты же Рады, заслышав выстрелы, разбежались. Конный отряд охраны украинского парламента под командованием полковника Аркаса перешел на сторону мятежников, а "сичевые стрельцы" были блокированы в здании Педагогического музея. В 8 часов вечера их командир полковник Коновалец пришел к Скоропадскому и заявил, что готов служить ему, но должен переговорить со своими людьми. "Сичевики" еще некоторое время колебались, но через несколько часов сложили оружие. Сторонники гетмана овладели

Государственным банком, телеграфом, военным министерством. К ночи все было кончено.

В провинции смена власти прошла почти незаметно. В Житомире, например, все свелось к тому, что по городу были расклеены возвзвания гетмана. Назначенный Радой губернский комиссар Куриленко после этого без сопротивления передал свои полномочия новой администрации³⁷. Население Украины в большинстве своем встретило переворот с глубоким равнодушием. Протест выразил лишь Всеукраинский почтово-телефрафный союз да сельский сход села Гавриловка Екатеринославской губернии прислал германскому послу телеграмму, выражая "против милитарной поддержки немцами нашей буржуазии"³⁸.

Действительно, свержение Рады никогда не прошло бы столь легко, если бы за спиной заговорщиков не стояли немцы. Среди участников переворота поначалу царила полная неуверенность в своих силах. В первую же ночь отряд князя Оболенского едва не разбежался, заслышав случайную стрельбу³⁹. Но недвусмысленная позиция немцев стала решающей. Сами германские власти, впрочем, старались не афишировать свою роль. На заседании рейхстага 4 мая 1918 г. вице-канцлер фон Пайер говорил: "Это преобразование является не германо-украинским, а чисто украинским делом и нас не касается... Она (Рада. - В.Ф.) упорно придерживалась коммунистических теорий, которые не находили отклика в массе крестьянского населения, и это обстоятельство, по-видимому, явилось главной причиной ее гибели. Во всяком случае, падение Рады вызвано украинским крестьянством, но никоим образом не нашими органами. Приказ о засече полей и арест некоторых членов правительства германскими военными властями не имеет никакого отношения к падению Рады"⁴⁰. Причины такого заявления можно понять. Менее ясно, почему даже спустя время, когда политическая острота киевских событий ушла в прошлое, командование германского Восточного фронта в лице начальника штаба генерала М. Гофмана продолжало откращиваться от участия в них⁴¹. Единственное объяснение этому заключается в том, что контакты между Берлином и Киевом осуществлялись напрямую, без посредников. Генерал А.И. Деникин, со ссылкой на своих информаторов в Киеве, приводит текст телеграммы кайзера Вильгельма II Эйхгорну от 26 апреля 1918 г.: "Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательства неуклонно исполнять наши советы"⁴². Однако среди

бумаг, использованных Деникиным для составления своих "Очерков русской смуты", этого документа нам найти не удалось.

Происшедшее в Киеве имело свои глубокие причины. В контексте истории гражданской войны обращает на себя внимание сходство событий 29 апреля 1918 г. с колчаковским переворотом в Омске 18 ноября 1918 г., с переворотом в Архангельске 6 сентября 1918 г. и другими подобными эпизодами. Речь идет не только о совпадении внешних форм, но и о единстве сущности. Антибольшевистский лагерь был неоднороден и включал как собственно антибольшевистское, так и в широком смысле контрреволюционное течение. Представителями первого были российские эсеры, меньшевики и родственные им национальные партии. Отвергая методы большевиков, они отстаивали идею "широкого фронта революционной демократии" и преобразований в духе классического социализма. Второе течение в политическом отношении было более аморфно, охватывая спектр от умеренных либералов до сторонников полной реставрации прежнего строя. Объединяющим началом в данном случае выступал призыв к созданию сильной власти, способной прекратить анархию и развал. На начальном этапе гражданской войны борьбу против советской власти возглавило первое из этих течений, за которым в литературе закрепилось название "демократическая контрреволюция". Но попытки найти третий путь в духе позднейшего лозунга "ни Ленин, ни Колчак" повсеместно заканчивались неудачей и установлением военной диктатуры. Так было в Сибири, так было на Севере, так было и на Украине.

Уже современники задавались вопросом: <<Как могло случиться, чтобы кучка дрессированных "хлеборобов" в несколько часов свергла власть Центральной Рады и учредила гетманство?>>⁴³ Но к этому толкала сама непоследовательная политика украинских властей. Для одних она была "полубольшевистская", для других - "полубуржуазная" и в результате не удовлетворяла никого. Настроив против себя всех, кого было можно, Рада сама подготовила собственную гибель. <<Мелкая буржуазия, - писал современник и очевидец этих событий, - должна была в течение целых двух месяцев играть роль "ослов", чтобы, так сказать, изнутри подготовить переход власти к верхним десяти тысячам>>⁴⁴. Вмешательство же немцев придало особую специфику естественно назревавшим, хотя еще и не успевшим дойти до кульминации процессам и определило их конкретные формы.

Г л а в а II. ГЕТМАН И ЕГО МИНИСТРЫ

На смену Украинской народной республике 29 апреля 1918 г. пришла Украинская держава. Само это неясно звучавшее название не характеризовало форму государственного устройства. Власть прежних украинских гетманов определялась выборами или назначением, но, во всяком случае, не была наследственной. С другой стороны, опубликованный после переворота "Закон о временном устройстве Украинской державы" предоставлял гетману права, которыми ранее пользовался лишь император¹. Неопределенность самого титула гетмана породила длительную переписку немецкого посла в Киеве со своим начальством из Министерства иностранных дел. Как обращаться к гетману: "ваše превосходительство", как к президенту, или "ваše величество"? Выход был найден в пышном титуле "Его ясновельможность пан гетман всея Украины"². Слухи о намерении Скоропадского провозгласить себя королем Украины возникали неоднократно³, но на этот шаг гетман не решился.

Резиденцией Скоропадского в Киеве стал бывший дом генерал-губернатора на Институтской улице. Две цепи немецких часовых окружали весь прилегавший к нему квартал, пройти туда можно было, лишь предъявив пропуск с фотографией. Сам гетманский дворец охранялся стражей, одетой в живописные украинские костюмы. Публике разрешалось ходить только по противоположной от дома стороне улицы. Внутри здания находилось третье кольцо часовых. Во дворе в постоянной готовности стояли три автомобиля. Создавалось впечатление, что властитель "всея Украины" не слишком доверяет своему народу и в любой момент готов к поспешному бегству⁴.

Похоже, что подготовка переворота полностью исчерпала энергию Скоропадского. На смену авантюристу, пусть беспринципному, но твердо сознававшему свою цель и последовательно ее добивавшемуся, пришел эдакий опереточный персонаж. Государственная деятельность явно тяготила гетмана, хотя ежедневно с десяти утра он старательно просиживал по три часа в кабинете, читая бумаги и принимая министров. Львиная доля времени при этом уходила на такие "неотложные" дела, как разработка формы для офицеров и чиновников, орденов, знаков отличия. Украинская армия получила новые погоны: клиновидные - для повседневной формы и витые из серебряного шнура, по германскому образцу - для

парадной. Указом гетмана были учреждены ордена Святого Владимира, Сичевой и Освity⁵.

После полудня наступало время обеда, когда за стол усаживалось до двух десятков человек. Скоропадский очень любил поговорить, и обеды затягивались на несколько часов. Целыми днями гетманский дворец жил приемами, парадами в зале, официальными церемониями. Торжественные ужины и банкеты затягивались до глубокой ночи, а до приезда в Киев жены Скоропадского - и заполночь. Непременными участниками всех этих мероприятий были два германских майора - фон Авельслебен и Газе (Гассе), специально приставленные к особе гетмана.

Времяпрепровождение обитателей дворца напоминало бесконечный костюмированный бал. Газеты не без иронии писали: <<По улицам днем несется длинный поезд моторов. Гетман едет на утренний спектакль. У театра вытягиваются и замирают в почтительном безмолвии два сердюка... Его так трудно видеть - кругом гетмана ряды ревнивых придворных, ближе к смертным - "пидпанки", ближе к ясновельможному - знатные паны. На приемах у гетмана - фильтр, доведенный до совершенства. Посетителей направляют по всяким державным инстанциям... Ведь у гетмана время рассчитано по минутам>>⁶.

Маленький гетманский двор карикатурно копировал петербургские образцы дореволюционной эпохи. Здесь процветали грубая лесть и заочные насмешки, лакейское пресмыкательство и самодурство. Один из приближенных Скоропадского, начальник гетманского пресс-бюро А.И. Маляревский, оставил в своих воспоминаниях немало ярких зарисовок этих нравов. Как-то караул, охранявший военное министерство, в полном составе дезертировал, захватив с собой министерскую кассу. <<Утром второй уже по счету начальник гетманского штаба генерал Стелецкий, очень взволнованный этим событием, не принимал докладов, а перед завтраком пришел оживленный и отрапортовал гетману: "Ваша светлость! Державная варта поймала грабителей-офицеров на пароходе. Они успели истратить только тысячу карбованцев на билеты". - "Расстрелять их!" - распорядился гетман. В глазах генерала Стелецкого мелькнул огонек испуга. - "Но Ваша светлость! У нас нет закона о смертной казни", - возразил он. - "Срочно провести закон и судить их военно-полевым судом". Но гроза прошла. Пригласили к завтраку. Как я узнал впоследствии, грабители пойманы не были. Генерал Стелецкий малодушно доложил явную ложь, желая избегнуть

трений>>⁷. Неудивительно, что после подобных историй даже ближайшее окружение не воспринимало гетмана всерьез.

Что же касается Совета Министров Украинской державы, то его характеризовала безликость и явно случайный характер. Оттенок авантюры, сопутствовавший гетманскому перевороту, удержал от вступления в правительство даже те политические группы, которые сочувственно отнеслись к смене власти. Единственной партией, принявшей участие в формировании кабинета, были кадеты. Троє из них - С.М. Гутник, М.П. Василенко и А.К. Ржепецкий - заняли соответственно посты министров торговли и промышленности, просвещения и финансов. Это породило известные проблемы, поскольку кадетский ЦК на проходившей в Москве в то же самое время конференции высказался против участия в любых органах власти, создаваемых при поддержке немцев⁸. Министры-кадеты старались держаться единой фракцией, но имели мало возможностей влиять на политический курс.

Во главе правительства, одновременно заняв в нем пост министра внутренних дел, встал крупный полтавский помещик и земский деятель Ф.А. Лизогуб. В отличие от своего старшего брата - известного народовольца, казненного в 1879 г., - премьер придерживался более умеренных взглядов. Весной 1917 г. он вступил в кадетскую партию, но в июле вышел из нее после того, как кадетское руководство отрицательно расценило провозглашение автономии Украины. Как политик Лизогуб отличался полным отсутствием самостоятельности и инициативы. Памятая другого временщика, газеты окрестили его "украинским Протопоповым". Это, кстати, возмутило настоящего А.Д. Протопопова, бывшего царского ministra, находившегося тогда в тюрьме у большевиков.

Надо сказать, что в гетманский период реальное положение того или иного сановника на ступенях пирамиды власти определялось отнюдь не формально занимаемой должностью. Так, министр здравоохранения В.Ю. Любинский сумел сохранить свой пост при всех изменениях состава правительства исключительно за счет близких личных отношений со Скоропадским. Гетман вообще легко поддавался стороннему влиянию. "Принимая одно предложенное ему в готовом виде решение, он менял его через полчаса на другое, также подготовленное какими-то случайными подсказчиками, являвшимися тайными и явными представителями различных политических группировок и врывавшимися в его кабинет иногда вне очереди для срочных переговоров"⁹. В окружении Скоропадского постоянно

вращались темные личности, игравшие подчас большую роль, чем министры. Однакашник гетмана по Пажескому корпусу А.А. Ратьков-Рожнов, например, удовольствовался скромной должностью председателя квартирной комиссии. В переполненном беженцами Киеве это давало возможность получать совершенно фантастические взятки.

Первое время после переворота особым влиянием на Скоропадского пользовался товарищ министра иностранных дел А.А. Палтов. Прежде в петербургских чиновных кругах он имел не лучшую репутацию и за какие-то неясные финансовые махинации был лишен камергерского звания. Борьба против него объединила всех прочих министров. Но Палтова поддерживали немцы, и потому окончательно свалить его не удалось. В это время на политическом горизонте Украинской державы появился очередной претендент на роль главного советника гетмана. Это был И.А. Кистяковский, сын известного киевского юриста, брат одного из авторов знаменитого сборника "Вехи". Живя в Москве, Кистяковский сделал карьеру модного адвоката. Руководствуясь своего рода профессиональной модой, он в ту пору состоял в кадетской партии, но в ходе революции заметно поправел. В начале 1918 г. Кистяковский участвовал в деятельности существовавшего в Москве нелегального "Правого центра", возглавляя его военную организацию¹⁰. Когда же буржуазная Москва потянулась на юг, подальше от большевиков, он тоже решил вернуться на родину.

В гетманском правительстве Кистяковский сначала занял должность государственного секретаря, а с конца июля - министра внутренних дел. Позже деникинская разведка составила на Кистяковского целое досье, где он характеризовался как человек, "совершенно лишенный сколь-нибудь определенных убеждений и принципов"¹¹. На новом посту он объявил себя учеником и последователем печальной памяти царского министра В.К. Плеве¹². При Кистяковском была введена жесткая предварительная цензура газет, принят закон о внесудебных арестах. В одном только Киеве действовали 18 различного рода контрразведок, занимавшихся, впрочем, большей частью "слежкой агентами одной за сотрудниками другой"¹³.

Остальные же гетманские министры имели куда менее яркое политическое лицо, за исключением, пожалуй, министра иностранных дел Д.И. Дорошенко, представлявшего умеренное крыло украинских националистов. Но это мало влияло на положение вещей, ибо сама

компетенция правительства была крайне ограничена. Германское командование откровенно рассматривало украинский кабинет как чисто формальный атрибут, позволяющий сохранять фикцию независимости Украины, и не допускало его вмешательства в серьезные дела.

Киевские министерства и департаменты были переполнены чиновниками. Новые власти старательно копировали образцы дореволюционной бюрократии и даже воссоздали табель о рангах, дав титулярным и тайным советникам имена порадчиков и державных администраторов¹⁴. Прежние губернаторы были переименованы в губернских старост, а уездные начальники - в повитовых. Полиция стала называться державной вартой. Основные должности при этом занимали те же лица, что и до революции. Большая часть из них имела мало общего с украинской национальной идеей. Рассказывали, что во многих учреждениях пришлось заводить должность специального канцеляриста, переводившего на государственный язык и обратно входящие и исходящие бумаги. В этом смысле булгаковские доктор Курицкий и капитан Тальберг были фигурами, списанными с натуры.

В стенах казенных присутствий витал дух уютной и спокойной жизни прежних лет. Но в этом чувствовалась какая-то нарочитость. Было похоже, что множество взрослых людей заняты игрой, в серьезность которой они сами не очень верят. Особенно ярко это проявилось в попытках организации украинской армии.

Как уже было сказано, немцы, опасаясь возникновения вооруженного сопротивления, распустили многочисленные полуанархические отряды, ранее подчинявшиеся Раде. В распоряжении гетмана остались дивизия сичевых стрельцов и отдельная бригада (затем дивизия) генерала Натиева. Полки сичевиков, сформированные в основном из уроженцев австрийской Галиции, находились под подозрением в сочувствии свергнутым властям и потому были отведены из Киева в район Белой Церкви. Бригада же Натиева дислоцировалась в окрестностях Харькова. Надежной опорой режиму ее тоже трудно было назвать. Губернский староста П.И. Залесский в июне 1918 г. доносил своему начальству: "Войска Натиева содержат состав красногвардейцев, матросов и рабочих, поступивших туда для более продуктивной пропаганды. В районе расположения гайдамаков часть населения возбуждена, часть терроризирована. Конные сотни - недисциплинированные банды, командный состав одинаково ненадежен. Агитируют против

существующего строя, порядка гетмана. Вмешиваются в дела администрации, грабят. Для спокойствия уезда необходимо гайдамаков убрать”¹⁵.

Гетманские власти медлили с созданием армии не только в силу обязательств перед немцами. В секретном докладе на имя гетмана по этому поводу говорилось: “Распропагандированная часть темной массы враждебна в настоящее время идее государственности, а потому призванная на военную службу на основе всеобщей воинской повинности в своем большинстве эта темная масса даст целиком ненадежный элемент, склонный к бунту и непослушанию, а особенно к политианству”¹⁶. План создания армии, в которую, по словам одного из его творцов, не должны были войти “ни мужик, ни еврей”, делал ставку на лояльные слои - “лиц, окончивших средние учебные заведения, или земельных собственников определенного ценза”¹⁷. Первым опытом такого рода стала Сердюцкая дивизия, эдакая гетманская гвардия, формирование которой было закончено к началу августа 1918 г. Дивизия численностью 5 тыс. человек комплектовалась из крестьян-собственников, имевших не менее 50 десятин земли. Однако уже через месяц по секретным сведениям гетманского штаба в ней числилось около 800 дезертиров¹⁸. Это заставило похоронить строгие правила, и в дальнейшем дивизия пополнялась самыми разнородными элементами. Некоторое время форму сердюков носил и будущий советский писатель К.Г. Паустовский, попавший по мобилизации в армию Скоропадского¹⁹.

До тех пор пока немецкие войска находились на Украине, в самостоятельной украинской армии не было особой необходимости. Деятельность военного министерства, во главе которого стоял генерал Ф.А. Рогоза, ограничивалась переименованием на национальный лад офицерских чинов да разработкой новой формы. Во время переворота отличительным знаком сторонников гетмана была нарукавная повязка из белой и малиновой лент. Предполагалось, что это будут государственные цвета гетманской Украины в противовес желто-голубому знамени Рады²⁰. Позднее были введены шинели и мундиры серо-синего цвета и кокарда с государственным гербом - трезубцем (тут же окрашенным “кукишем”).

К осени 1918 г. положение Германии на фронтах мировой войны пошатнулось. Перспектива ухода сделала немцев более сковорчивыми и заставила гетманские власти задуматься о будущем. В сентябре Скоропадский подписал приказ о призывае на воинскую службу начиная с 15 ноября 1918 г. 75 тыс. человек. Предполагалось,

что армия будет состоять из восьми двухдивизионных корпусов, дислоцированных (по порядку номеров) в Житомире, Виннице, Одессе, Киеве, Чернигове, Полтаве, Харькове и Екатеринославе; особой Крымской бригады; четырех отдельных конных дивизий и одной отдельной конной бригады. В городах черноморского побережья должны были расположиться 12 батальонов морской пехоты²¹. Спешно создавались школы унтер-офицеров - "пидстаршин", возобновлялись занятия в кадетских корпусах, получивших название "вийсковых бурс"²². Одновременно началось формирование отрядов "вольного казачества", которое должно было представлять собой нечто среднее между местной самообороной и сетью военно-спортивных клубов, по образцу чешских "соколов"²³.

К началу намеченной мобилизации власть Скоропадского уже не распространялась далее пределов Киева. Фактически все дело создания армии свелось к комплектованию офицерского кадра. Типичным примером может служить 32-й артиллерийский полк, входивший в состав расположенного в Полтаве 6-го корпуса. Во всем полку насчитывалось 28 человек: 17 офицеров, 1 подпрапорщик и 10 рядовых²⁴. Многочисленные безработные офицеры с охотой шли на гетманскую службу, привлеченные ежемесячным жалованием в 400 руб. Большая часть из них смотрела на это исключительно как на источник средств существования. Деникинская разведка доносила: "Говорят повсюду, во всех учреждениях, совещаниях и комиссиях военного ведомства по-русски, так как галицийской мовы никто не знает и знать особенно не желает, твердо веря, что все это ненадолго"²⁵. Между националистами и украинофобами шла постоянная язвительная перепалка. Последние передавали якобы существовавшую в украинской армии команду: "Зализяку на пузяку - геп!" Их противники в ответ цитировали петровский военный устав: "От матушки-земли до могучего плеча - шарахни!"²⁶.

Лишь на бумаге остался и флот Украинской державы, хотя в военном министерстве была создана должность товарища министра по морским делам, которую занял капитан 1-го ранга Максимов (бывший командир миноносца "Быстрый"). Уже Центральная Рада заявляла претензии на корабли Черноморского флота. Но, как известно, большая часть эскадры по приказу Советского правительства в июне 1918 г. была отведена в Новороссийск и там затоплена. Меньшая продолжала находиться на рейде в Севастополе, но немцы не спешили передавать ее своим украинским союзникам, тем более что территориальная принадлежность Крыма оставалась спорной.

Впрочем, рождение гетманского флота все-таки состоялось. Уже цитировавшийся А.И. Маляревский передает в своих воспоминаниях этот эпизод следующим образом: <<Гетман приказал на маленьком пароходике, бывшем ранее в распоряжении инспектора путей сообщений, поднять штандарт Гетмана-адмирала украинского флота, с участием почетного караула солдат, с музыкой и артиллерией в его присутствии. По дворцу бегает А.А. Палтов взъерошенный, старается расстроить эту церемонию. - "Что скажут немцы! Флота нет, есть только разговоры. Адмирал флота Украины? Какого флота? Барок на Днепре?" Наконец инцидент уладился. Решили поднять штандарт (шелковый, с гербом Скоропадских) бесшумно, без стрельбы и прочего>>²⁷.

Обсуждение любых проблем в высших кругах Украинской державы неизменно начиналось с вопроса, как к этому отнесутся немцы. Посол Мумм имел все основания писать в Берлин о том, что украинское правительство "является только куклой в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживаются исключительно наши интересы"²⁸. Под давлением немцев, заинтересованных в стабильности своего тыла, в Киеве 22 мая 1918 г. начались переговоры между Украиной и Советской Россией. В гостинице "Марсель" расположилась советская делегация во главе с Х.Г. Раковским и Д.З. Мануильским. Украину представлял генеральный судья, бывший министр юстиции в правительстве Рады, С.П. Шелухин. Обе стороны не были заинтересованы в достижении договоренности и успешно затягивали переговоры, фактически сводя все дело на нет.

В сфере внешней политики "ограниченный суверенитет" Украинской державы выражался особенно явственно. Правда, в Киеве была создана целая дипломатическая колония из представителей государственных образований, возникших на руинах прежней России - Белоруссии, Польши, Грузии, Литвы, Эстонии, Дона, независимый статус которых был столь же неопределенен, как и у самой Украины. Посланниками и консулами этих стран в большинстве числились богатые киевские евреи, стремившиеся обезопасить себя перед лицом антисемитских настроений, все более проглядывавших в украинском движении. Гетманские послы находились в столицах держав германского блока: в Берлине (Ф.Р. Штейнгель), Вене (В.Ю. Липицкий), Софии (А.В. Шульгин) и Стамбуле (М.А. Суровкин). Но украинская дипломатия полностью была лишена возможности проводить самостоятельный курс. В период Брестских переговоров представители Рады, используя "хлебный шантаж",

заключили секретное соглашение с Австро-Венгрией. Находившаяся перед угрозой голода Австрия обязалась создать из населенных украинцами районов восточной Галиции особую область, предоставив ей внутреннее самоуправление. Теперь же "галицийский протокол" был уничтожен, а вместе с ним и все проекты воссоединения Украины²⁹.

Отсутствие активной внешней политики на Западе киевские власти пытались возместить на Востоке. Здесь новорожденная Украинская держава заявила претензии на положение региональной "империи". Планы создания "великой Украины" предусматривали продвижение ее границ на севере до Курска и Гомеля, с включением территорий, "хотя и населенных в большинстве неукраинцами, но связанных с Украиной экономически"³⁰. Как следствие, уже спустя короткое время гетманское правительство оказалось вовлеченым в дрязги буквально со всеми соседями. В отношениях с Доном камнем преткновения стали украинские претензии на Таганрогский округ³¹. Донской атаман П.Н. Краснов направил в Киев свое посольство во главе с генералом А.В. Черячукным для того, чтобы добиться поставок оружия с бывших тыловых складов русской армии. Но посол получил ответ, что условием предоставления таковой помощи может быть лишь объединение Дона с Украиной на федеративных началах³². Еще более активно эта идея развивалась в отношении Кубани, часть населения которой составляли потомки переселенных некогда туда запорожцев. Предложения о слиянии Кубани с Украиной делались уже в мае при посещении Киева кубанской делегацией³³. Позже украинский посол в Екатеринодаре барон Боржинский подготовил целый план, конечным результатом которого должно было стать присоединение Кубани³⁴. В Киеве уже появились географические карты, включившие Кубань и Крым в состав Украины³⁵.

Что касается Крыма, то конфликт вокруг вопроса о его государственной принадлежности принял особенно острый характер. После прихода немцев в Крыму возникло свое правительство, возглавлявшееся генералом М.А. Сулькевичем. Однако официально признавать его не спешили даже оккупационные власти. Черноморский полуостров превратился в яблоко раздора, заинтересованность в котором проявляли самые разные силы. Советская Россия в соответствии с условиями Брестского договора считала Крым своей территорией. Претензии на Крым предъявляла и Турция, опиравшаяся на татарскую часть населения края. Наконец, в правящих кругах Германии муссировалась мысль о превращении

Крыма непосредственно в немецкую колонию. В этой-то мутной воде и попыталось поймать свой улов гетманское правительство.

"Третий универсал", определявший границы Украины, не включал Крым в пределы ее (три же материковых уезда Таврической губернии были объявлены украинскими)³⁶. Тем не менее вскоре после гетманского переворота украинская варта заняла Перекоп и соляные копи на Арабатской стрелке. В Киеве был разработан проект создания в Крыму автономного наместничества, которое входило бы в состав Украины. Но крымское правительство отвергло это предложение. Тогда украинские власти запретили ввоз в Крым хлеба и промышленных товаров, в ответ был прекращен экспорт на Украину фруктов, вина и табака³⁷. Дело зашло в тупик. Для того чтобы найти выход из положения, в начале октября 1918 г. была созвана украино-крымская конференция. Украинскую делегацию на ней возглавлял сам премьер Ф.А. Лизогуб, крымскую - министр юстиции краевого правительства А.А. Ахматович³⁸. Но уже после третьего заседания переговоры были прерваны из-за нежелания украинской стороны искать компромиссное решение.

Меньше всего "имперские" амбиции гетмана и его министров одухотворялись национальной украинской идеей. Бывший флигель-адъютант, волею судьбы взлетевший едва ли не на трон, и третъеразрядные бюрократы, ставшие министрами, ради сохранения своего положения готовы были превратиться в ура-патриотов вновь обретенной родины. Сам Скоропадский, в отличие от большинства своих приближенных, по крайней мере владел государственным языком, хотя в обиходе предпочитал говорить по-русски, грассируя на гвардейский манер. Судить же по высказываниям гетмана о его отношении к независимости Украины - дело бесполезное. Органическая неспособность на чем-то сосредоточиться побуждала его, особенно в частных беседах, к диаметрально противоположным высказываниям. Через несколько недель после переворота в разговоре с генералом А.С. Лукомским Скоропадский говорил, что его цель - объединить Украину с Россией, когда та изживет большевизм³⁹. Примерно в то же время, принимая своего бывшего сослуживца барона П.Н. Врангеля, гетман горячо отстаивал идею украинской независимости⁴⁰. При этом Врангелю он предлагал пост начальника штаба, а Лукомскому - военного министра, нисколько не смущаясь тем, что оба они имели с Украиной мало общего.

Необходимость хотя бы внешне сохранять национальную окраску не раз ставила власти Украинской державы в сложное

положение. Прадед Скоропадского получил гетманскую булаву за то, что во время измены Мазепы он остался верен русскому царю. Правнуку же пришлось считаться с попытками некоторых украинских кругов возвести Мазепу в ранг национального героя. Летом 1918 г. общество "Батькивщина" обратилось в правительство с ходатайством о проведении 10 июля панихиды по Мазепе в Софийском соборе и объявлении этой даты государственным праздником. Собравшийся по этому поводу Совет Министров принял соломоново решение: официальный статус дню памяти Мазепы не придавать, так как "национально-патриотическая роль его в истории Украины является слишком спорной", но проведению панихиды не препятствовать. Одновременно, дабы не лишать народ праздника, было решено объявить нерабочим днем 12 июля - именины ясновельможного пана гетмана, организовав по этому случаю торжественный молебен и парад⁴¹. Впрочем, особой приверженностью принципам сам пан гетман не отличался. Два месяца спустя, когда политическая конъюнктура на время заставила его более явственно обозначить национальное лицо, в речи при открытии державного университета Скоропадский уже без тени сомнения заявил о выдающемся вкладе Мазепы в дело украинского просвещения⁴².

Вообще же, гетманские власти относились к крайне националистическим группам скорее настороженно, подозревая их в сочувствии свергнутому режиму. После переворота лишь немногие из деятелей прежнего времени продолжали оставаться на политической арене. Наиболее известной фигурой среди них был С.В. Петлюра. Сын полтавского извозчика, бухгалтер по профессии и непризнанный поэт, в 1917 г. он встал во главе военных формирований Центральной Рады. Но последняя, опасаясь найти в лице Петлюры украинского Наполеона, весной 1918 г. отправила его в отставку. При гетмане Петлюре занимал должность председателя Киевской губернской земской управы и Всеукраинского союза земств. Третируемые властями, земства превратились в центр оппозиции Скоропадскому, оппозиции весьма умеренной, но беспокоившей ощущавшее свою слабость правительство. Однако, пока министром внутренних дел числился премьер Лизогуб, конфликт властей с земством не заходил дальше мелких столкновений. Сменивший его на этом посту И.А. Кистяковский был настроен действовать более решительно. Уже через два дня после его назначения, в ночь на 27 июля 1918 г., в помещении земской управы был произведен обыск, а Петлюру арестовали и препроводили в Лукьяновскую тюрьму⁴³. Это стало

вступлением к последнему акту гетманской эпопеи, но тогда вряд ли кто мог предположить такое.

Столь же колеблющейся была политика гетмана и его министров в других важнейших вопросах. Самым острым из них оставался, безусловно, земельный. Министерство земледелия в первом составе гетманского кабинета возглавлял В.Г. Колокольцев. Своей прежней общественной деятельностью в Волчанском уезде Харьковской губернии он заработал себе репутацию умеренного либерала, но сейчас, по сути, ничем не проявил себя.

Хотя переворот и упразднил все законы Центральной Рады, значительная часть земель на Украине по-прежнему находилась в руках самовольно захвативших их крестьян. С этим нельзя было не считаться, поэтому 27 мая 1918 г. вышел закон, закреплявший право на урожай за теми, кто фактически произвел сев. В случае если посевщик действовал без согласия юридического владельца земли, он был обязан выплатить тому компенсацию в размере трети средней годовой арендной платы за последние пять лет⁴⁴. Это было не столь уж и много, учитывая инфляцию, но сам факт восстановления прав прежних собственников вызвал среди крестьян недовольство.

Гетман испытывал сильное давление со стороны приведшего его к власти Союза хлеборобов. <<Как в Советской России везде чувствовалось царство хама, - вспоминал один из современников, - так тут вы попадали в царство помещиков, переименовавших себя в "хлеборобов". Они тут были хозяевами положения, спешившими использовать его>>⁴⁵. К числу крупных помещиков принадлежал и Скоропадский (площадь его имений составляла более тысячи десятин), и премьер Лизогуб, да и многие другие из высших сановников Украинской державы. В результате все разговоры о земельной реформе свелись к закону от 14 июня 1918 г., ограничившему право покупки земли 25 десятинами. При этом из контекста было неясно, идет ли речь о единовременной сделке или же вообще о возможности расширения владений⁴⁶. Оппозиционная гетману пресса отмечала: закон был отредактирован так, что "от сосредоточения больших земельных площадей в своих руках откажется разве... лишь тот, кто этого не пожелает"⁴⁷.

Неопределенность перспектив, многочисленные факты расправ, чинимых в деревне немцами и гетманской вартой, заставляли крестьян утаивать хлеб, а то и впрямую уничтожать собственные посевы по принципу "не нам, так никому". Украина еще продолжала поражать достатком беженцев из центральной России, но на горизонте

все более явственно начал маячить голод. Создавалась и угроза срыва продовольственных поставок в Германию, что болезненно затрагивало оккупантов, а значит, и украинские власти. В июне 1918 г. был опубликован закон, устанавливавший обязательную продажу всего наличного хлеба государству по твердым ценам⁴⁸. Но это решение, как и годом раньше аналогичная попытка Временного правительства, наткнулось на открытый саботаж. В Советской России большевикам, почти в то же время провозгласившим продовольственную диктатуру, пришлось прибегнуть к помощи продотрядов. Не имевшее собственных сил правительство Скоропадского обратилось к немцам. Гетманское Министерство иностранных дел направило барону Мумму письмо, где содержалась просьба о размещении "храбрых и высокодисциплинированных войск дружественной Германской державы" во всех уездах "для помощи местной украинской власти в деле восстановления спокойствия и порядка"⁴⁹. Ответом на насилие стали мощные крестьянские восстания, охватившие всю страну. Уже к осени 1918 г. власть гетмана держалась только в крупных городах, вокруг которых бушевало враждебное море.

Ввиду отсутствия на Украине крупных промышленных центров рабочий вопрос не стоял здесь столь остро, как крестьянский. В составе гетманского правительства все же был создан пост министра труда, который занял профессор Киевского политехнического института Ю.Н. Вагнер. Советские декреты о рабочем контроле и национализации были отменены. Профессиональные союзы сохранялись, но их положение было подорвано отменой практики заключения коллективных договоров. Формально сохранялось и право стачек, за исключением жизненно важных отраслей, - прежде всего транспорта и коммунального обслуживания.

Крупнейшим выступлением рабочих в этот период стала железнодорожная забастовка, начавшаяся в середине июля 1918 г. и быстро охватившая всю Украину. Поводом для нее стало сокращение заработной платы, при большевиках составлявшей от 240 до 465 руб.⁵⁰ К тому же правительство отказалось выплачивать задолженность за март - апрель, мотивируя это тем, что тогда у власти находилась Рада. Рабочие требовали восстановления прежних окладов (цена хлеба на рынке составляла 1-1,5 руб. за фунт, мяса - 2-3 руб.), выдачи дополнительного продовольствия из интендантских складов и признания прав общего железнодорожного союза⁵¹. Выдвинутые требования носили экономический характер, но дело не обошлось без большевистской агитации. Однако очередной парадокс

гражданской войны состоял в том, что в стачке были заинтересованы и прямо противоположные силы. В документах одного из руководителей Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева есть сведения о тайном посещении его в июне 1918 г. депутатией киевских железнодорожников. Добровольческое командование, заявлявшее о продолжении войны с Германией, рассматривало вопрос об организации на Украине железнодорожной забастовки для того, чтобы связать руки немцам⁵².

Но не только социальные катаклизмы потрясали Украину. Казалось, что страна и ее многострадальная столица разом вызвали гнев всех стихий природы. Утром 6 июня 1918 г. жители Киева были подняты на ноги ужасающим грохотом. В домах лопались стекла, взрывная волна сметала фонарные столбы, с корнем вырывала деревья. Выяснилось, что взорвались огромные артиллерийские склады в предместье города - Зверинце. По масштабам последствий взрыв напоминал землетрясение. Убито было 79 человек, ранено и контужено 248⁵³. Реакция властей на это происшествие, тянувшееся на катастрофу общенационального масштаба, оказалась весьма специфической. Гетман с увлечением начал лично проектировать здания украинских государственных учреждений, которые следовало построить на месте уничтоженных кварталов⁵⁴. Не успели утихнуть разговоры по поводу взрыва, как страшный пожар опустошил деревянную застройку Подола, а спустя еще две недели на Киев обрушились небывалый ливень и буря, превратившая в развалины немало домов на окраинах.

Ответственность за взрыв в предместье взяли на себя действовавшие в подполье левые эсеры⁵⁵. Весной 1918 г. ЦК партии левых эсеров принял решение об организации серии террористических актов, призванных стать толчком к всеобщему восстанию против оккупантов. Объектами покушений были избраны германский посол в Москве граф Мирбах, фельдмаршал Эйхгорн и гетман Скоропадский. Убийство Мирбаха 6 июля 1918 г. и последовавшие за этим события описаны неоднократно. Менее известно продолжение этой истории, имевшее место на Украине.

В конце мая 1918 г. в Киев из Москвы выехала группа эсеровских боевиков. Служба за Эйхгорном показала, что ежедневно он в сопровождении адъютанта капитана фон Дресслера совершает пешую прогулку по Екатерининской улице из помещения штаба в столовую немецкого офицерского собрания. Несколько раз покушение по различным причинам откладывалось, но 30 июля 1918 г. в 2 часа

дня германский командующий был смертельно ранен при взрыве бомбы, брошенной эсера Б.Д. Донским. Террорист попытался скрыться, но был схвачен. Запланированное вслед за этим покушение на Скоропадского сорвалось из-за технических накладок. Немецкая контрразведка быстро вышла на организаторов убийства. Была арестована еще одна террористка - И.К. Каховская, остальным боевикам удалось скрыться. 10 августа 1918 г. Донской предстал перед немецким военно-полевым судом и в тот же день был повешен. Каховскую тоже приговорили к смертной казни, но исполнение приговора (поскольку речь шла о женщине) потребовало утверждения его кайзером. Однако нараставшие в Германии политические трудности, а затем начавшаяся революция предали это дело забвению, и в начале 1919 г., уже при петлюровцах, Каховская вышла на свободу⁵⁶.

Убийство Эйхгорна повергло киевских обывателей в ужас. От немцев ждали страшной кары, говорили о том, что город будет полностью уничтожен германской артиллерией. Но ничего этого не произошло. Новый германский командующий генерал-полковник Г. фон Кирбах, известный взятием Риги в 1917 г., удовлетворился формальными соболезнованиями гетмана. После этого многим стало ясно, что немцы уже не те, какими были полгода назад. На Западном фронте, в тысячах километров от Киева, назревали большие перемены, не сулившие гетманской Украине ничего хорошего.

Г л а в а III. ГЕТМАН, ОККУПАНТЫ И РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ

Человеку, попавшему в Киев летом 1918 г., могло показаться, что он очутился в давних Москве или Петербурге. Те же лица, те же разговоры, те же названия ресторанов и кафе. На короткое время столица Украинской державы приобрела действительно столичный блеск.

В то время гетманская Украина оказалась единственной "заграницей", с которой у Советской России существовало более или менее свободное общение. Поэтому-то Киев и стал первой остановкой на пути великого переселения российской интеллигенции, буржуазии и просто рядовых обывателей, почувствовавших на себе тяжесть руки большевиков. В Петрограде и Москве существовали украинские консульства. Виза особой проблемой не являлась: достаточно было за-

явить претензии на украинское гражданство (а предков или родственников в южных губерниях мог найти каждый второй) или столь же формально получить командировку по служебным надобностям. Затем предстоял поход по советским канцеляриям за многочисленными справками и разрешениями и, наконец, Брянский вокзал, откуда три раза в неделю уходили битком набитые "украинские" поезда. Сутки пути до Орши, а там, в 4 верстах от нее, на Орше-товарной, уже стояли немцы¹.

Никогда еще Киев не видел такого скопления знаменитостей. Достаточно перечислить литераторов, как маститых, так и молодых, но уже известных: А.Т. Аверченко, В.М. Дорошевич, Е.Н. Чириков, И.Ф. Наживин, Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), Н.Я. Агницев, И.Г. Эренбург, В.Б. Шкловский. Только недостаток места мешает привести столь же представительный список актеров, журналистов, художников, музыкантов. К этому нужно добавить не менее известных современникам представителей высшего света, финансового и промышленного мира. Город жил какой-то лихорадочной жизнью в ритме модных в тот сезон кальмановских оперетт.

"Первое впечатление - праздник. Второе - станция, вокзал перед третьим звонком. Слишком беспокойная, слишком жадная суeta для радостного праздника. В суете этой тревога и страх. Никто не обдумывает своего положения, не видит дальнейших шагов. Спешно хватает и чувствует, что придется бросить..."². Это строки из воспоминаний Тэффи (Н.А. Бучинской). Можно процитировать не менее десятка других мемуаристов, удивительно схожих в общей оценке атмосферы тех дней. Все смешалось. Бывший камергер императорского двора промышлял вооруженными налетами³. Популярный ресторан "Прага" содержал гвардейский полковник князь Абашидзе⁴. Официантами здесь были офицеры в форме, даже не снимавшие ордена: так больше давали на чай⁵. В клиентах недостатка не было - город тонул в пьяном загуле, тем более что гетманское правительство возобновило запрещенную в начале войны продажу водки (по карточкам 1/20 ведра - 0,6 литра по 10 руб. за бутылку).

Особенно же много в столице Украины скопилось политиков всех мастей и рангов, от столь известных, как В.В. Шульгин, П.Н. Милюков, В.М. Пуришкевич, до "уездных Тайлеранов". Впрочем, В.В. Шульгин не был для Киева чужаком. Редактировавшаяся им, а до этого его отцом и отчимом газета "Киевлянин" выходила уже полвека. Блестящий оратор и талантливый журналист, Шульгин был непримириим к силам, по его

мнению, враждебным будущему России (недаром одним из его литературных псевдонимов стало слово "Вендетта"). Таковыми силами он считал большевиков, немцев и национал-сепаратистов. Будучи коренным украинцем, Шульгин крайне отрицательно относился к украинскому движению в тех шовинистических формах, какие оно приняло в эти дни всеобщего развала. В то же самое время его родной племянник А.В. Шульгин занимал в правительстве Центральной Рады пост министра иностранных дел, а при гетмане был послом в Софии.

После прихода немцев В.В. Шульгин демонстративно прекратил издание "Киевлянина". Вокруг него начала формироваться тайная организация антибольшевистской и антинемецкой направленности. Шульгин попытался предложить свои услуги адмиралу А.В. Колчаку, о котором начали доходить отрывочные сведения из Сибири⁶, а примерно с августа 1918 г. вошел в постоянный контакт с командованием Добровольческой армии. С этого времени шульгинская организация переключилась на сбор разведанных политического и военного характера. Она получила название "Азбука", так как члены ее были зашифрованы буквами кириллицы. Сам Шульгин проходил под псевдонимом "Веди". Судя по сохранившимся донесениям, число агентов "Азбуки" не превышало полутора десятков ("Аз", "Буки", "Наш", "Око", "Рцы", "Фита", "Иже" и почему-то "Пупсик"), однако сообщаемые ими сведения носили уникальный характер. Информация поступала и из гетманского дворца, и с закрытых заседаний кабинета министров, и из германского штаба. Шульгин - персона, нежелательная для немцев, - в начале сентября был вынужден покинуть Киев, но созданная им организация продолжала успешно существовать и далее.

В телеграммах и сообщениях, отправлявшихся летом 1918 г. по дипломатическим каналам в Берлин и Вену, чаще всего фигурировало имя П.Н. Милюкова. Лидер кадетов с весны жил на Украине, скрываясь под именем профессора Иванова. Долгое время он не рисковал открыто появляться, памятую о своей репутации в глазах немцев. Ранее Милюков числился одним из наиболее ярых антантофилов, и в апреле 1917 г. он даже поплатился за это министерским креслом. Как уже упоминалось, в мае 1918 г. в Москве проходила последняя всероссийская конференция кадетской партии. В принятых ею резолюциях надежды на возрождение страны связывались исключительно с помощью бывших союзников⁷. Решения конференции были направлены Милюкову, но полученный от него ответ прозвучал громом среди ясного неба. Россия не имеет сил

продолжать войну, писал он в своем письме. Союзники заняты собственными проблемами и реальной поддержки оказать не могут. Остается Германия, уже ощущающая на себе опасность большевизма. Только опираясь на немцев, русские антибольшевистские силы могут рассчитывать освободить Москву и восстановить законную власть.

В начале июля 1918 г. при посредничестве киевских кадетов Милюков вступил в тайные переговоры с немцами. Он беседовал с послом Муммом и имел две продолжительные встречи с представителем штаба Эйхгорна майором Газе. Детали этих переговоров, подробно зафиксированных Милюковым в своем дневнике, производят странное впечатление. Похоже, что долгое пребывание вдали от политической жизни заставило кадетского лидера изменить чувству реальности. Вернувшись, наконец, в привычную стихию, он явно ощущал себя "делателем королей" - отчитывал украинских и крымских министров, строил планы возведения на престол новой династии ("возьмите Дмитрия Павловича и жените его на Ольге")⁸. Даже хорошо известный в Киеве майор Газе превратился в его воображении в брата последней императрицы герцога Гессенского.

Милюков предлагал немцам поддержать Добровольческую армию в борьбе с красными, обещая оказать воздействие на ее руководителей (здесь он вновь переоценил свои возможности, хотя и состоял в то время в переписке с генералом М.В. Алексеевым⁹). В будущем освобожденная от большевиков Россия заключила бы новый мирный договор с Германией на основе территориальных уступок в Прибалтике и признания независимости Финляндии и Польши¹⁰. Государственным строем России должна была стать конституционная монархия с парламентом, избираемым на основе всеобщего голосования, но при наличии ценза оседлости и двустепенности выборов.

Немецкие представители внимательно выслушали этот проект, но дальше дело не пошло. Судя по всему, они просто не поверили в искренность собеседника. Австрийский посол граф Форгач писал в Вену: "Учитывая все прошлое Милюкова, я считаю, что это, без сомнения, только ловкий маневр с его стороны"¹¹. Форгач подозревал, что приезд Милюкова в Киев есть часть какого-то коварного плана, задуманного Антантою. Той же точки зрения придерживался и его немецкий коллега. Во время встреч немцы проявляли по отношению к Милюкову подчеркнутую предупредительность, а через неделю потребовали срочной его высылки. Это едва не спровоцировало на Украине ministerский кризис, так как министры-кадеты из

партийной солидарности выступили против. В конце концов Милюкову разрешено было остаться, однако официальных контактов с ним немцы и гетманские власти отныне избегали.

Летом 1918 г. в Киеве возникло объединение бывших членов законодательных палат - Государственной думы всех созывов и Государственного совета. Сначала их собиралось не более 20 человек, но постепенно это число перешло за сотню. Для текущей работы было избрано бюро во главе с графом А.А. Бобринским¹². Состав участников этих заседаний оказался предельно пестрым. "Тут рядом сидели и дружно между собой беседовали, мало в чем расходясь, Милюков и Пуришевич"¹³. Уже во время одной из первых встреч был поставлен вопрос о форме будущего государственного устройства России. Большинство собравшихся проголосовало за монархию (с поправкой Милюкова -конституционную)¹⁴. Пример думцев подтолкнул и других оказавшихся в Киеве безработных политиков. Была создана группа земских деятелей во главе с бывшим председателем орловской земской управы С.Н. Масловым. Отдельно существовала организация гласных городских дум, руководителем которой стал петроградский городской голова Ю.Н. Глебов. К этому следует добавить уже неоднократно упоминавшийся Союз земельных собственников и объединение промышленников, торговцев и финансистов ("Протофис"), возглавляемое князем А.Д. Голицыным¹⁵. Все они претендовали на роль политических центров антибольшевистской борьбы, но взаимная конкуренция оставляла на это мало надежды. В начале сентября 1918 г. было достигнуто соглашение о создании Совета государственного объединения России (СГОР), куда вошли представители всех перечисленных групп, а также церковных и академических кругов. "Основа объединения, - отмечал участник этих событий, - лежала в чисто отрицательном моменте - горечи и нерассуждающем раздражении на все социалистические и почти на все кадетские и кадетствующие элементы после неуспеха Временного правительства"¹⁶. Поэтому с самого начала новая организация заняла место в правой части политического спектра.

Председателем СГОРа был избран бывший член Государственного совета барон В.В. Меллер-Закомельский, по словам знавших его, "хилый, малоподвижный, лениво мыслящий и еще более лениво работавший человек"¹⁷. Реально же главную скрипку в деятельности объединения играл А.В. Кривошеин - в прошлом министр земледелия царского правительства. Он был одним из представителей той категории государственных деятелей, откуда

вышли П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, С.Ю. Витте. С последним его сближала тяга к коммерции, за что антисемиты из числа крайне правых приписывали ему еврейское происхождение. В былые времена Кривошеин вполне мог достичнуть премьерского кресла, но сейчас привычка к иным масштабам и методам работы сильно мешала ему. Впрочем, Кривошеину и далее было суждено играть немалую роль в гражданской войне - уже при Деникине и особенно при Врангеле, когда он возглавил последнее правительство "белой России".

Образование СГОРа было не первой попыткой консолидировать антибольшевистские силы. СГОРу предшествовал Правый центр, возникший в Москве в начале 1918 г. Немногим позднее там же был создан Союз возрождения России, объединивший левых либералов и умеренных социалистов - от эсеров и энсесов до кадетов. Последние выступали как связующее звено, входя в состав обеих организаций. Политические симпатии кадетского руководства оказались все же ближе к позиции Правого центра, но здесь камнем преткновения стал вопрос о международной ориентации. Среди участников Правого центра все больше распространялись германофильские настроения. Кадеты же придерживались традиционной ориентации на Антанту. На этой почве в июне 1918 г. между ними произошел разрыв. Его результатом явилось образование Национального центра, ядром которого стали кадеты.

До конца лета 1918 г., пока условия подпольного существования были не столь уж обременительны, основные антисоветские группировки сосредоточивались в Москве. Однако уже первые признаки надвигающегося красного террора заставили их переместить свою деятельность на неподконтрольную большевикам территорию. В Киеве появился отдел Союза возрождения России под председательством бывшего министра по великорусским делам в правительстве Рады Д.М. Одинца, а чуть позже - местная организация Национального центра¹⁸.

Особняком стояли крайние монархисты, почти не вступавшие в контакт с другими политическими группами. Объединения монархического толка в ту пору существовали во многих городах Украины. В Екатеринославе, например, действовал Союз русских людей на Украине во главе с инженером А.А. Спасским. Прямое покровительство ему оказывал губернский староста генерал Черников, в доме которого и собирались члены организации. Союз планировал создать собственную вооруженную силу в лице офицерских дружины.

Для этой цели все земельные собственники были обложены особым налогом из расчета по рублю с десятины¹⁹.

В Киеве центром консолидации монархистов был кружок, группировавшийся вокруг салона баронессы Мейендорф. В него входили такие видные представители прежней аристократии, как бывший командир Кавалергардского полка князь А.Н. Долгоруков, сын царского министра юстиции Г.И. Щегловитов, бывший начальник канцелярии министерства двора генерал А.А. Мосолов и другие. Члены кружка, подчеркивая свой крайний монархизм, сами называли себя "зубрами". Через родственника Скоропадского князя В.С. Кочубея "зубры" имели доступ в гетманский дворец и при поддержке властей организовали Особое политическое бюро на Украине²⁰. Его возглавил бывший чиновник департамента полиции Игнатьев, под началом которого бюро превратилось в своего рода монархическую контрразведку, снабжавшую информацией гетманскую варту и германское командование.

По инициативе киевского кружка летом 1918 г. в столице Украины был созван монархический съезд. Итогом его работы стало создание Монархического блока, объединившего многочисленные группы крайне правой окраски. Отделы организации возникли, помимо Киева, в Чернигове, Житомире, Могилеве, Полтаве, Минске²¹. Совет Монархического блока возглавил присяжный поверенный В.П. Соколов, известный в дореволюционную пору черносотенный деятель.

Гетманские власти тайно поддерживали монархические организации, но официально старались от них дистанцироваться. Скоропадский не хотел окончательно ссориться с украинскими националистическими кругами, видевшими в усилении влияния монархистов угрозу восстановления прежней России. Что касается оккупантов, то их отношение к этому было неоднозначным. В донесениях графа Форгача сквозят большие опасения по поводу активизации монархических элементов. Это нетрудно понять, ибо Австрия было выгоднее иметь на своих восточных границах зависимую от нее Украину, нежели ослабленную, но все же неизмеримо более могучую Россию. Осторожность проявляла и немецкая дипломатия. Но германское военное командование, главный хозяин Киева, оказывало монархическим организациям самую широкую поддержку. С его помощью Монархический блок сумел получить в берлинских банках значительный кредит. Когда киевская группа монархистов задумала организовать освобождение Николая II

(о расстреле царской семьи тогда еще не было известно), немцы пообещали предоставить в ее распоряжение все необходимое: пулеметы, ружья, автомобили²².

В среде монархистов был хорошо известен князь Дзосан (в русском варианте - Дмитрий Давыдович) Тундутов. Это была колоритнейшая фигура, удивлявшая даже ко всему привычное киевское общество. С одной стороны, потомок едва ли не самого Чингисхана, живой бог для кочевников-калмыков, с другой - выпускник Пажеского корпуса, гвардейский гусар, адъютант начальника штаба Ставки в мировую войну. По своему характеру Тундутов был прирожденным авантюристом и потому постоянно оказывался в центре самых фантастических комбинаций. Так, возжелав получить должность помощника атамана Астраханского войска, Тундутов записал всех подвластных ему калмыков в казачье сословие. Но после неудачной попытки антибольшевистского восстания в Астрахани в январе 1918 г. он на время пропал с политической арены, вновь появившись в столице Украины уже летом.

К этому времени Тундутов вернулся из Берлина, где каким-то путем сумел получить аудиенцию у германского императора. Теперь он называл себя полковником (хотя за год до этого был только поручиком), астраханским атаманом и личным другом кайзера. Когда же немцы выделили для киевских монархистов деньги, Тундутов немедленно предъявил права на часть этой суммы. После предварительных переговоров 7 сентября 1918 г. было подписано соглашение между Астраханским войском в лице его самозванного атамана и советом Монархического блока. Тундутов обязался начать организацию вооруженных отрядов для борьбы против большевиков. Финансирование, снабжение оружием и боеприпасами должно было производиться за счет средств Монархического блока²³.

В должности командующего Астраханской армией был утвержден генерал-лейтенант Павлов, бывший начальник 2-й сводной казачьей дивизии. Штаб армии расположился на Дону в станице Великокняжеской. В нем собралось немало представителей громких аристократических фамилий, претендовавших на лавры князя Пожарского. "Здесь, - писал современник, - в приспособленных для жилья теплушках и полуразрушенных казачьих хатах, царил тон Павловска или Царского Села"²⁴. Комплектование же армии личным составом шло крайне медленно. К началу 1919 г. в списках ее (включая штабы) состояло лишь 404 офицера и 2 355 рядовых, что по численности едва составляло полк военного времени²⁵.

Еще одна попытка организации монархических военных формирований была связана с деятельностью союза "Наша Родина", возникшего в Киеве в августе 1918 г. Номинальным его главой числился герцог Г.Н. Лейхтенбергский, правнук пасынка Наполеона Евгения Богарне, а по женской линии - родственник свергнутой династии, что придавало ему особый вес в глазах легитимистов. К тому же герцог состоял в родстве и с главнокомандующим германским Восточным фронтом принцем Леопольдом Баварским и потому был авторитетной фигурой для немцев. За его спиной делами союза фактически вершил присяжный поверенный М.Е. Акацатов. Этот человек, "с неприятным лицом, неприятным резким и хриплым голосом"²⁶, имел темную биографию. По его словам, прежде он входил в руководство черносотенного "Русского собрания", в конце 1917 г. оказался в Добровольческой армии, в составе которой участвовал в "ледяному походу" на Кубань. Акацатов был связан с киевскими дельцами самого низкого пошиба, получал деньги от немцев, не гнушался финансовых спекуляций.

Среди учредителей союза числился целый ряд организаций: от Всероссийского национального клуба до гимнастического общества "Богатырь". Их представители составляли большой совет, но реально он почти не собирался, и всем распоряжались сам Акацатов и его ближайшие клевреты. Одним из них был начальник особого отдела союза полковник П.М. Бермондт. В полковники он, похоже, произвел себя сам, ибо ранее был всего лишь капельмейстером военного оркестра. "Этот Бермондт, - говорилось в справке, составленной гетманской вартой, - все время создавал мифические заговоры против Акацатова и, благодаря такой политической водевильности, котировался все время в разряде его ближайших друзей"²⁷. В довершение всего Бермондт был попросту психически ненормальным человеком, что не помешало ему в период гражданской войны взлететь еще выше и стать достаточно заметной фигурой.

Программа союза "Наша Родина" была предельно лаконичной: "Борьба с большевиками, восстановление России и законной монархии... Границы будущей России и та или другая форма правления (но непременно монархического) могут быть установлены только после изгнания большевиков"²⁸. Политические принципы меньше всего интересовали Акацатова. "В погоне за увеличением средств союза, - отмечалось в уже цитированной справке, - почти ежедневно менялось его политическое направление. Откуда дул денежный ветерок, туда и клонился легковесный политический флюгер руководителей союза"²⁹.

По-видимому, именно стремление выкачать у немцев как можно больше денег первоначально было главной причиной затеянного Акацатовым формирования монархической армии.

Дело было задумано широко. Еще не существующая армия получила название Южной, так как предполагалось, что впоследствии она объединит все антибольшевистские силы юга. На предоставленные немцами средства была открыта сеть вербовочных бюро. Действовали они и за пределами Украины: в Минске, Могилеве, Пскове, а нелегально - даже на территории Советской России, например в Смоленске, где такое бюро было раскрыто чекистами в сентябре 1918 г.³⁰ Поступающим в армию офицерам было обещано месячное жалование в 600 руб. плюс командировочные и суточные. Для сравнения укажем, что в Добровольческой армии офицерское жалование составляло тогда 270 руб.

Во время одного из своих вояжей в Харьков Акацатов сошелся с жившим в городе генерал-майором Семеновым. Тот выдавал себя за представителя Добровольческой армии и в этом качестве собирал по-жертвования от местной буржуазии. Позже оказалось, что эти деньги он тратил в основном на разгульные кутежи в ресторанах. Под началом Семенова находился небольшой офицерский отряд числом не более двух десятков человек, который "жил больше подачками и реквизициями, болтаясь на границе Волчанского уезда"³¹. Семенов и Акацатов заключили между собой соглашение, в результате чего отряд получил название 1-й дивизии Южной армии.

Начальником штаба армии был назначен генерал-лейтенант К.К. Литовцев. Настоящая его фамилия была Шильдбах, но с началом мировой войны он "из патриотических соображений" переменил ее на новую, образованную от названия Лейб-гвардии Литовского полка, которым он когда-то командовал. Столь же безболезненно как из немца в русского, в 1918 г. генерал превратился в украинца, возглавив расквартированный в Лубнах гайдамацкий курень.

Но ни Литовцев, ни тем более Семенов не годились на роль главнокомандующего. Армию должно было возглавить действительно популярное лицо, только это могло придать вес затеи Акацатова. Официально было объявлено, что дело возглавит генерал, находящийся ныне у большевиков, и потому его фамилия не может быть оглашена. На деле же подходящей кандидатуры попросту не было. Эмиссары союза "Наша Родина" тайно побывали в Крыму, где в имении Дюльбер жил двоюродный дядя последнего царя великий князь Николай Николаевич. В глазах монархистов он котировался

выше других представителей семьи Романовых. На предложение возглавить Южную армию великий князь дал уклончивый ответ. При несомненном желании вернуться в политическую жизнь Николай Николаевич был слишком осторожен, для того чтобы ввязываться в откровенную авантюру. Тем более, что немецкое влияние на Южную армию ни для кого не было секретом, а дела немцев к тому времени шли все хуже и хуже.

Летом 1918 г. неудачей закончилась последняя попытка Германии организовать наступление на Западном фронте. Отныне инициатива прочно перешла в руки Антанты. Ухудшение военного положения отбило у немцев желание ввязываться в непредсказуемые по результатам политические комбинации на востоке. В конце сентября они неожиданно прекратили финансирование монархических формирований. Но развернувшаяся вокруг них сложная игра на этом не прекратилась.

Одним из ее участников был донской атаман П.Н. Краснов, политик ловкий и умный. Глава "донской республики" находился в обостренных отношениях с командованием Добровольческой армии и был не прочь противопоставить соперникам конкурирующую военную силу. К тому же для поднятия духа казаков атаману следовало создать хотя бы видимость того, что в борьбе, которую Дон ведет против большевиков, его поддерживают и движения общероссийской ориентации.

Секретный приказ, согласно которому монархические формирования переходили в подчинение донскому атаману, был отдан Красновым 12 октября 1918 г. В реорганизованном виде в состав Южной армии вошли корпуса: Астраханский (бывшая Астраханская армия), Воронежский (прежняя Южная армия) и Саратовский (ранее - "Народная армия" под началом полковника В.К. Манакина, действовавшая в занятых донцами уездах Саратовской губернии). Предложение занять должность главнокомандующего армией было сделано помощнику Деникина генералу А.М. Драгомирову. Но тот отказался, заявив в ответном письме: "Никогда и ни в каких комбинациях, работающих с немцами и на них, я не участвовал и органически участвовать не могу... Своих убеждений на шестом десятке лет менять не буду"³². К слову сказать, через двадцать лет, будучи уже на восьмом десятке, Драгомиров станет сотрудничать с А.А. Власовым и создаваемой им на немецкие деньги Русской освободительной армией.

В конечном счете главнокомандующим Южной армией стал генерал от артиллерии Н.И. Иванов. В начале мировой войны он командовал Юго-Западным фронтом, получил известность в результате взятия Львова и Перемышля, но после ряда неудач былмещен и отправлен в резерв. В феврале 1917 г. по приказу царя он предпринял неудавшуюся карательную экспедицию на восставший Петроград и после этого окончательно ушел в тень. Сам донской атаман позднее писал об Иванове, что "революционные потрясения несколько расстроили его умственные способности"³³, но имя генерала пользовалось известностью, и на этом строился расчет. Вместо уволенного Литовцева пост начальника штаба армии занял генерал П.И. Залесский, бывший профессор Николаевской военной академии. Несколько месяцами ранее он был харьковским губернским старостой, на каковой должности прославился тем, что лично осуществлял цензуру газет. Когда же ученый генерал приказал разогнать городские управы, даже не склонное к демократизму гетманское правительство оказалось вынужденным отправить его в отставку.

Финансовое бремя содержания Южной армии Краснов сумел переложить на Скоропадского. Гетман же, теряя почву под ногами, готов был ухватиться за любой шанс. После предварительного зондажа 2 ноября 1918 г. на станции Скороходово между Харьковом и Полтавой состоялось совещание Краснова и Скоропадского. В ходе него было достигнуто соглашение о том, что Украина берет на себя содержание монархических формирований. Гетманское казначейство обязалось выделить для этой цели 76 млн руб.³⁴. Забегая вперед, скажем, что реально было ассигновано немногим более 4 млн. Это лишь на несколько месяцев продлило изначально обреченную затею.

Управление Воронежского корпуса находилось на станции Чертково. К этому времени посредством мобилизаций численность 1-й дивизии была доведена до 2,5 тыс. человек. Из них в строю оказалась лишь меньшая часть. Кавалерийские полки насчитывали по 10-15 человек, в пехотных полках состояло по 50-60 солдат и офицеров. Артиллерия была представлена двумя гаубицами без лошадей и упряжки, авиация - двумя сломанными аэропланами. В то же время в Черткове действовало более 40 штабов: штаб Южной армии, штаб Воронежского корпуса, штаб 1-й дивизии, два бригадных управления, четыре полковых штаба, управление инспектора артиллерии, управление санитарного инспектора и так далее³⁵.

В боевом отношении корпус был абсолютно небоеспособен. Насильственно затянутые под ружье воронежские крестьяне разбегались прямо с позиций. В офицерской среде царило полное разложение. Только за один месяц 30 офицеров были удалены из корпуса судом чести за пьянство, малодушие, уклонение от боя³⁶. "Пример" в этом отношении показывал сам начальник дивизии генерал Семенов. В ноябре его соединение получило приказ начать наступление. Но в этот день Семенов устроил полковой праздник и перепился вместе со своим штабом. В итоге дивизия выступила только спустя два дня. За это Семенов был снят со своего поста. После его отъезда выяснилось, что из кассы пропала вся наличность. Вдогонку была послана телеграмма, но задержать Семенова не удалось.

Предвидя неминуемый крах, часть офицеров-южноармейцев пыталась найти себе нового хозяина. Их представители, уже с начала октября буквально осаждавшие добровольческое командование, прямо заявляли: "Если генерал Деникин прикажет, то вся Южная армия уйдет из Черкассы в Екатеринодар"³⁷. Другие же попросту дезертировали. После первых неудачных боев численность дивизии (она же и вся армия) сократилась до 900 человек, а к концу декабря и это число уменьшилось вдвое. В таком виде остатки дивизии в январе 1919 г. были влиты в состав Добровольческой армии. То же произошло с Астраханским и Саратовским корпусами.

Исход этой истории был предопределен с самого начала. Фантастические планы освобождения столь ничтожными силами Москвы прикрывали не слишком чистоплотную игру, ставкой в которой являлись власть и деньги. Тех, кто оказался вовлечен в нее, борьба с большевиками заботила в последнюю очередь: Отсюда и тот фарсовый характер, какой приняло формирование Южной и Астраханской армий. Ключевые фигуры этой затеи - князь Тундутов и Акацатов - были прежде всего авантюристами до мозга костей. Подтверждением тому может служить их дальнейшая судьба.

В начале 1919 г. князь Тундутов на время исчез с политической арены. Говорили, что он побывал в Константинополе, где предлагал турецкому правительству план создания на территории прежней России мусульманского государства от Кавказа до Казанской губернии, в составе которого калмыки (буддисты!) должны были стать связующим звеном. В сентябре 1919 г. он неожиданно появился в калмыцкой степи и вновь объявил себя атаманом, сместив прежнее войсковое правительство. Но государственный переворот не удался. Приказом Деникина Тундутов был выслан из Астраханской губернии

с угрозой быть отанным в случае возвращения под военно-полевой суд³⁸. Позднее, как и многие участники гражданской войны, он оказался в эмиграции, но в 1922 г. объявился в Советской России, выразив готовность служить большевикам, против которых прежде он столь яро ратовал³⁹. После этого следы Тундутова теряются.

Акацатов в 1919 г. жил в Новороссийске, но репутация германофила мешала ему вернуться к политической жизни. Зато в эмиграции ему удалось повторить удавшийся в Киеве прием. Южная армия была придумана для того, чтобы выкачать деньги у немцев. Теперь же Акацатов объявил о том, что он представляет некий "Всероссийский крестьянский союз", якобы покрывающий сетью нелегальных ячеек весь СССР. Под этой маркой ему удалось в течение нескольких лет эксплуатировать даже столь умного политика, как Милуков. Любопытно, и в этом можно найти параллель с судьбой Тундутова, что в эмиграции многие подозревали в Акацатове большевистского агента⁴⁰.

Что касается других участников эпопеи Южной армии, то генерал Иванов, всеми забытый, умер от тифа в феврале 1919 г. в Новочеркасске. Генерал Залесский благополучно закончил дни в эмиграции, выпустив несколько книг, в которых он пытался анализировать исход гражданской войны. Его предшественник генерал Литовцев (Шильдбах) в 1922 г. был арестован чекистами, приговорен к расстрелу, замененному по случаю полного покаяния подсудимого пятью годами лишения свободы. Герцог Лейхтенбергский умер в 1929 г. в своем замке в Баварии. За границей он основал и финансировал русские издательства "Медный всадник" и "Град Китеж". В последнем герцог опубликовал свои (в общем-то малосодержательные) мемуары⁴¹.

Совсем уж фантастический характер принял карьера начальника контрразведки союза "Наша Родина" самозванного полковника Бермондта. После падения Киева он в числе других офицеров был эвакуирован в Германию. В лагере для перемещенных лиц Бермондт на немецкие деньги организовал вербовку добровольцев и весной 1919 г. оказался в южной Прибалтике в качестве главы 50-тысячной "Западной Добровольческой армии". К этому времени он называл себя уже генералом, а из Бермондта превратился в князя Авалова. Его армия представляла собой сборище отчаянных кондотьеров, русских и немцев, и с их помощью Бермондт едва не стал хозяином всей Латвии. Но предпринятый им штурм Риги был от-

бит корабельной артиллерией британского флота, и Бермондту пришлось разделить судьбу других эмигрантов.

Однако мы сильно ушли в сторону. Для того чтобы восстановить канву событий, необходимо вернуться к осени 1918 г., когда решалась судьба гетманской Украины.

Глава IV. ПАДЕНИЕ КИЕВА

В начале сентября 1918 г. состоялось давно запланированное посещение Скоропадским Германии. Инициатором его в свое время выступила украинская сторона, но теперь сами немцы, первоначально прохладно воспринявшие это предложение, торопили с организацией поездки. Роли неожиданным образом поменялись. Если раньше появление в Киеве любого германского правительственного чиновника подавалось украинскими официальными кругами едва ли не как визит на высшем уровне, то теперь поездка Скоропадского должна была продемонстрировать, что все разговоры о международной изоляции центральных держав не имеют под собой основания.

Соответственно и программа пребывания Скоропадского в Германии была организована на высшем уровне. В замке Вильгельмсгоге близ Касселя 6 сентября гетмана принял сам германский император. Из рук кайзера Скоропадский получил одну из высших наград - большой крест ордена Красного Орла¹. Придворный фотограф сделал снимок: Вильгельм II - в небрежной позе, заложив в карман правую увечную руку, а перед ним - вытянувшийся по струнке гетман в черной черкеске.

Почетный гость посетил берлинскую оперу и скачки. Но основным элементом визита была поездка в главную квартиру, где гетмана принимал главнокомандующий фельдмаршал фон Гинденбург. Это, равно как посещение заводов Круппа в Эссене и военно-морской базы в Киле, должно было продемонстрировать перед украинской делегацией несокрушимую мощь германского оружия. Однако сама настойчивость, с какой проводилась эта мысль, скорее вызывала обратную реакцию.

Первый тревожный сигнал был получен в Киеве после известий о капитуляции германской союзницы Болгарии. По этому поводу 2 октября 1918 г. спешно собрался украинский Совет Министров, постановивший принять все меры, которые будут необходимы "для спасения чести, достоинства и самого существования

Украинской державы”². В поисках новых союзников гетманское правительство обратилось к Добровольческой армии, претендовавшей на роль лидера в антибольшевистской борьбе на юге. К этому времени численность войск, находившихся под началом генерала А.И. Деникина, составляла 35-40 тыс. человек. Армия прочно контролировала Кубань, прилегавшие к ней районы и представляла собой действительно реальную силу в отличие от упоминавшихся выше монархических формирований.

Дело осложнялось тем, что деникинское командование воспринимало гетманскую державу резко отрицательно. Краеугольным камнем добровольческой идеологии было воссоздание единой и неделимой России. В этом контексте само существование независимой Украины рассматривалось как измена общероссийскому делу. Препятствием на пути контактов с режимом Скоропадского оказались и германофобские настроения добровольцев.

Правда, антинемецкая позиция Деникина носила скорее декларативный характер. Во всяком случае, она не мешала ему получать от атамана Краснова оружие и боеприпасы, поставляемые на Дон теми же немцами. Германское же оккупационное командование относилось к Добровольческой армии вполне лояльно. Арест в мае 1918 г. ее представителя в Киеве полковника С.Н. Ряснянского может быть отнесен к разряду случайностей. <<Лично я ходил всюду в генеральских погонах, - писал в своем отчете о пребывании на Украине деникинский эmissар генерал Толмачев, - имея на рукаве нашу национальную нашивку, всюду при требовании предъявлял свое удостоверение, выданное штабом нашей армии, и никто мне не сделал никакого препятствия, а на Волыни, где требуется разрешение на въезд и выезд, мне выдали необходимый "аусвайс" с приложением украинских и немецких печатей. В тот день, когда был смертельно ранен генерал Эйхгорн, немцы ночью производили обыски. Обыскали и "Прагу", где я жил, вошли ко мне в номер, и, когда я сказал, кто я, обыскивать не стали>>³. Но принцип остается принципом, особенно когда он прикрывает политическую конъюнктуру.

В начале октября 1918 г. к Деникину прибыл бывший товарищ председателя Государственной думы С.И. Шидловский, недавно назначенный гетманом на должность харьковского губернского старосты. Он привез предложение наладить контакты между Киевом и Екатеринодаром, обещая взамен помочь оружием. Деникин ответил на это отказом⁴. В те же самые дни представитель Добровольческой армии в столице Украины полковник Неймирк (замещавший временно

отсутствовавшего главу киевского центра генерала П.Н. Ломновского) на свой страх и риск затеял сложную интригу. В донесении, направленном по каналам "Азбуки" (Неймирк значился в ней под псевдонимом "Каппа"), он сообщал о царящей в украинских правящих кругах обстановке паники и предлагал организовать давление на гетмана, дабы побудить его напрямую обратиться за помощью к Добровольческой армии. Согласие на этот план должна была подтвердить условная телеграмма: "Все здоровы. Павел"⁵.

Добровольческая агентура на Украине тесно сотрудничала с "Союзом земельных собственников" и "Протофисом". Земельные собственники к этому времени круто изменили ориентацию. На первом съезде они, как нам известно, привели к власти гетмана. На втором, проходившем в конце октября 1918 г., рукоплескали речи Пуришкевича о возрождении единой России. Председатель союза граф Гейден специально посетил Скоропадского, убеждая его подчиниться Деникину.

Сам гетман тоже пытался зондировать почву в этом направлении. Через одного из своих адъютантов, графа Д.А. Олсуфьева, он 9 октября устроил "случайную" встречу с Неймирком. В ходе нее Скоропадский убеждал собеседника, что никогда не мыслил Украину иначе чем в составе России⁶. Гетман явно рассчитывал на то, что его слова будут немедленно переданы в Екатеринодар. Но там не спешили с ответной реакцией. Позднее Деникин писал: "Меня настойчиво втягивали в украинский водоворот, тогда как я считал, что эта задача для Добровольческой армии совершенно непосильна"⁷. Основные силы добровольцев были тогда скованы в ожесточенном сражении под Ставрополем, тем более что нельзя было сбрасывать со счетов и немцев, по-прежнему представлявших на Украине серьезную силу.

Даже в преддверье своего поражения в войне Германия не собиралась оставлять столь лакомый кусок. Но главнейшим условием немецкого присутствия на Украине было сохранение ее в качестве самостоятельного государства. В начале октября в Берлине был составлен план, предусматривавший "украинизацию" гетманского правительства. Новому кабинету официально предстояло обратиться с просьбой к Германии оставить на Украине немецкие войска⁸. По настоянию немцев Скоропадский завязал переговоры с Национальным союзом, созданным в августе 1918 г. и объединившим три крупнейшие националистические партии: украинских социал-демократов, украинских эсеров и социалистов-федералистов. Переговоры

проходили сложно, и согласие на министерские портфели было получено только от социалистов-федералистов.

Окончательный список нового Совета Министров был утвержден 17 октября 1918 г. на секретной встрече Скоропадского и германского консула Тиля, временно замещавшего отсутствовавшего посла. Но разговоры о переменах в кругах высшей власти ходили и ранее. Предчувствуя отставку, министры прежнего кабинета пошли на преднамеренное обострение ситуации. В ночь с 12 на 13 октября по распоряжению Кистяковского был произведен обыск в помещении гостиницы "Марсель", которое занимала советская делегация. Разрыв отношений с большевиками отвечал духу требований политических течений общероссийской ориентации. Неудивительно, что немцы пришли от этого в крайнее раздражение и потребовали наказать виновных. В ответ 10 министров коллективно заявили о своем уходе.

Новое правительство было приведено к власти 26 октября 1918 г. Должность премьера в нем сохранил Лизогуб, хотя предварительно рассматривались и другие кандидатуры. Социалисты-федералисты получили пост государственного контролера и три поста министров: народного просвещения, труда и юстиции. Но другие новые лица в кабинете, такие, как В.Е. Рейнбот, занявший после ухода Кистяковского должность министра внутренних дел, никак не вписывались в представление об "украинизации". В результате правительство являло собой крайне шаткую конструкцию и в таком виде долго не могло существовать.

Колебания властей отражали неустойчивость самой политической ситуации. В это время Германия уже прямо обратилась к странам Антанты с предложением мира и гетман срочно пытался изменить курс. В Яссы, временную столицу Румынии, ближайший пункт, где находились союзные миссии, был послан гетманский дипломат И.А. Коростовцев (бывший российский посланник в Корее). Он заявил французскому послу Сент-Олеру о нейтралитете Украины и готовности ее установить тесные отношения с державами-победительницами. Но в ответ ему было сказано, что отношение Антанты к Украине будет зависеть от участия последней в едином антибольшевистском фронте.

Шаги, предпринимавшиеся в ту пору украинскими властями, обращают на себя внимание своей непоследовательностью. С одной стороны, по настоянию Национального союза из тюрьмы выпустили Петлюру. С другой - правительство дало согласие на формирование добровольческой дружины из числа офицеров прежней русской армии,

большая часть которых отличалась явным украинофобством. Командиром дружины был назначен полковник князь Святополк-Мирский. Добровольцам установили месячное жалование в 450 руб.; разрешили носить русскую форму и погоны⁹.

10 ноября 1918 г. гетман обратился к населению Украины с грамотой, в которой призывал сохранять мир и спокойствие. Он заявлял, что в распоряжении властей "есть достаточно силы, чтобы не допустить никакого движения против государственного порядка"¹⁰. В тот же день была объявлена мобилизация всех военнообязанных. Призыв касался и студентов, ранее подъезжавшихся правом отсрочки. Это вызвало в Киеве волнения. В ответ были запрещены любые митинги и собрания и объявлено, что "всякие попытки в данном направлении будут считаться большевистскими и пресекаться вооруженной силой". Но это еще больше обострило положение.

Утром 15 ноября 1918 г. около здания университета, оцепленного нарядом державной варты, стала собираться учащаяся молодежь. Стихийно возник митинг, откуда-то появились красные знамена. Около часу дня собравшиеся, число которых достигло нескольких тысяч, с пением "Марсельезы" двинулись к центру города. Дойдя до Владимирской, они увидели, что улица перекрыта офицерским отрядом. Началась стрельба, толпа оказалась рассеяна. По официальным данным, при этом было убито 8 и ранено 12 человек. Другие источники называли большие цифры¹¹. Расстрел студенческой демонстрации в Киеве показал, что революция вновь пришла на Украину. Для гетманского режима это было началом конца.

Нараставшую анархию пытались использовать в своих целях самые разные силы. Национальный союз объявил о подготовке созыва Всеукраинского национального конгресса. Было ясно, что за этим кроется стремление получить формальные основания для смешения Скоропадского. Гетман поспешил принять ответные меры. С его согласия министр внутренних дел В.Е. Рейнбот распорядился запретить созыв конгресса. Министры, представлявшие в правительстве Национальный союз, выступили с протестом против этого. Вопрос был поставлен 14 ноября 1918 г. на заседании кабинета министров. При поименном голосовании запрет поддержали 8 человек, против высказались 7. Оставшиеся в меньшинстве члены правительства заявили о сложении своих полномочий.

На следующий день стал известен новый состав Совета Министров. Премьером в нем стал С.Н. Гербель, ранее бывший

министром продовольствия. Еще до революции он занимал губернаторские должности, был министром и членом Государственного совета. Назначение главой кабинета столь видного представителя старой петербургской бирократии свидетельствовало о том, что гетман круто меняет ориентацию. Еще более показательно было возвращение в министерство внутренних дел И.А. Кистяковского, одно имя которого действовало на украинских националистов как красная тряпка. Ключевой пост министра иностранных дел занял Г.Е. Афанасьев, некогда соученик Витте, профессор-историк и одновременно банковский деятель, бывший министром финансов в первом гетманском кабинете.

В своей декларации правительство объявило главной задачей "работу над воссозданием единой России на федеративных началах, с сохранением за Украиной всех прав на развитие ее государственной и национальной самобытности"¹². Оно обещало также скорейшее осуществление аграрной реформы и подготовку выборов в державный сейм. Перемена курса была подтверждена и в очередной грамоте гетмана, где говорилось о готовности содействовать "созданию благополучия и твердого государственного порядка в братской Великороссии, сыном которой Украина и ныне оказывает широкое гостеприимство"¹³. Если уж "нежелательные элементы" за месяц превратились в "сынов братской Великороссии", то это значило, что гетману действительно приходилось плохо.

Перемены в составе правительства свидетельствовали о том, что гетман после долгих колебаний наконец сделал выбор. Ответная реакция не заставила себя ждать. В ночь на 16 ноября 1918 г. в Киеве были расклеены воззвания, от имени Национального союза призывающие к свержению Скоропадского. Накануне руководство союза тайно выехало в Белую Церковь, где было провозглашено создание Директории под председательством В.К. Винниченко. Ее вооруженную опору составили два полка сичевых стрельцов, но главное - многочисленные крестьянские отряды, стекавшиеся со всей правобережной Украины. Это была плохо организованная и слабо вооруженная армия, страшная, однако, своей яростью, воскрешавшей в памяти времена "колиивщины". Общее командование вооруженными силами Директории находилось в руках С.В. Петлюры. Поэтому за восставшими и закрепилось название петлюровцев.

Восстание началось и на левобережье. Бывшая бригада Натиева, во главе которой теперь стоял полковник Болбачан, самовольно снялась с позиций и двинулась на Харьков. Силы

Болбачана составляли 1 200 штыков при 8 орудиях и 100 пулеметах. В штате же расквартированного в Харькове 7-го корпуса (генерал А.Ю. Лигнау) числилось до 3 тыс. человек, но на всех у них было не более 50 винтовок. Вечером 17 ноября мятежники без боя взяли город. Только 30 офицерам удалось уйти на Дон в Добровольческую армию¹⁴.

В Полтаве командование 6-го украинского корпуса (генерал Слюсаренко) безуспешно пыталось организовать сопротивление наступавшим от Харькова петлюровцам. Собранные для этого офицеры начали митинговать, приняв резолюцию о том, что будут воевать исключительно с большевиками. "Всякому было ясно, - отмечал очевидец, - что подавляющее большинство из них просто шкурники, не желающие вообще драться с кем бы то ни было"¹⁵. Утром 27 ноября в Полтаву вошли части Болбачана и крестьянские отряды из соседних деревень. Небольшая группа офицеров, укрепившаяся в здании губернского правления, встретила петлюровцев пулеметным огнем. Лишь вмешательство немцев помогло избежать серьезного кровопролития, и офицерам было разрешено покинуть город¹⁶.

В Екатеринославе стоял 8-й корпус (генерал Васильченко), ядро которого составляли офицеры бывшей 34-й пехотной дивизии. В ночь на 28 ноября 1918 г. офицерский отряд численностью около тысячи человек вышел из города на юг. Через три недели, ведя постоянные бои с петлюровцами, большевиками, махновцами, отряд пробился в Крым, где влился в состав Добровольческой армии¹⁷.

В столице Украины известия об успехах петлюровцев вызвали состояние, близкое к панике. <<Киев принимает вид военного лагеря, - сообщали газеты. - Ежедневно развертываются различные летучие отряды Добровольческой и Южной армии, как чисто офицерские и юнкерские, так и студенческие со значительным количеством гимназистов старших классов. Для отрядов реквизируются помещения. Уже реквизировано много кинематографов, частных квартир - главным образом в центре города. Для нужд летучего отряда реквизировано помещение украинского Национального союза (Пушкинская, 1), над зданием вывешен русский национальный флаг с надписью "Наша Родина". По улицам мчатся автомобили-грузовики с вооруженными добровольцами>>¹⁸. Вся эта суeta могла внушить надежду киевскому обывателю, хотя в действительности дела обстояли из рук вон плохо.

Для обороны города по образцу 1-й офицерской дружины спешно комплектовались добровольческие отряды полковников Кирпичева, Рубанова и Голембиовского. Были созданы "старшинский охотничий" (офицерский добровольческий) полк и три кавалерийских полка: Ольвиопольский уланский, Лубенский гусарский и Кинбурнский драгунский, но в каждом из них находилось не больше сотни всадников¹⁹. Более чем наполовину все эти отряды состояли из молодежи: юнкеров, студентов, гимназистов. Главным мотивом их поведения, как у булгаковского Николки Турбина, были романтизированные представления о долге перед Россией. Имень Россіей, ибо гетман воспринимался массой офицерства как фигура временная, как меньшее из зол, если приходилось выбирать между ним и Петлюрой.

Но этот искренний порыв дискредитировала та обстановка полного хаоса, в которой происходило формирование новых частей. Единого командования, по сути дела, не существовало. Дружина Кирпичева при наличии лишь 1,5 тыс. штыков делилась на 28 отрядов. Святополк-Мирский, имея в подчинении 1 200 человек, образовал у себя управление, соответствовавшее штатам корпуса. В Киеве действовали 39 штабов, а по другим данным, даже 64. Все они немедленно обзаводились собственными контрразведками, которые в считанные дни буквально затерроризировали жителей гетманской столицы. Одна из таких контрразведок реквизировала дом в центре города. Жильцам было приказано немедленно оставить помещение. "Вечером контрразведка въехала. Она состояла из дам в саках, детей, картонок, горшков и т.д. Контрразведка весьма интересовалась, есть ли при квартире ванна и плита"²⁰. Естественно, что при таком положении вещей о сколь-нибудь серьезной обороне говорить не приходилось.

Тем временем петлюровцы, заняв Фастов, развернули наступление на Киев. По приказу командующего 4-м украинским корпусом генерала Волховского навстречу им были двинуты дружины Святополк-Мирского, "охотничий полк" и Сердюцкая дивизия. Общая их численность составляла до 4 тыс. штыков, но боеспособность была крайне низка. Перед этим деникинские информаторы сообщали: "Сердюцкая дивизия не внушает особенного доверия. Солдаты тянутся, козыряют, но стойкости не видно, и есть опасение, что будут беглецы и перебежчики"²¹. В предвидении этого в тылу дивизии были размещены офицерские отряды с пулеметами.

Между станциями Мотовиловка и Васильков завязался бой, длившийся почти сутки. Защитники города были разбиты и отошли к Посту Волынскому, примерно в шести верстах от Киева, где организовали оборону. Петлюровцам, однако, тоже пришлось остановиться, поскольку в дело вмешались немцы. Сейчас немцы были уже не те, что несколько месяцев назад. После известий о германской революции в Киеве был создан немецкий Совет солдатских депутатов. Но немцам удалось избежать той стадии разложения, какая за год до этого привела к гибели русскую армию. Связано это было с тем, что немецкие солдаты и офицеры одинаково не хотели умирать на чужбине, а организовать эвакуацию можно было лишь при условии, что германские войска по-прежнему представляли бы реальную силу.

Захват петлюровцами фастовского узла угрожал прервать железнодорожное сообщение с Германией. Из Киева были двинуты три германских батальона с артиллерией. В бою у Белгородки петлюровцы потерпели поражение. На следующий день, 2 декабря 1918 г., было заключено соглашение, согласно которому войска Директории обязались приостановить наступление "до прибытия представителей Антанты в Киев"²². Штаб Петлюры расположился в Боярке, в 20 верстах от города. Здесь линия фронта на короткое время стабилизировалась.

Осажденное в Киеве гетманское правительство окончательно потеряло голову. Проводя дни и ночи в непрерывных заседаниях, оно швыряло деньги направо и налево, видимо, рассчитывая вызвать этим чудо в последний момент. Только за месяц на нужды военного министерства и державной варты было выделено почти 300 млн руб. - сумма по тем временам огромная²³. 10 млн было ассигновано Добровольческой армии. Одновременно правительство постановило ходатайствовать о приглашении добровольцев "для борьбы с внутренним большевизмом, преимущественно в Екатеринославской и Харьковской губерниях"²⁴. Аналогичная просьба была направлена донскому атаману.

Добровольческое командование внимательно следило за происходившим на Украине. 13 ноября 1918 г. в киевских газетах был опубликован приказ о мобилизации офицеров. Согласно ему Деникин принял на себя командование всеми вооруженными силами на территории России. Командиры формировавшихся в городе офицерских дружин немедленно объявили гетману о том, что выходят из подчинения украинских властей. На следующий день министр иностранных дел Афанасьев направил Деникину телеграфный запрос

по этому поводу. "Вероятно, газеты не совсем точно передали Вашу мысль, - говорилось в телеграмме, - ибо подчинение Вашей власти офицеров, служащих на Украине, вызвало бы путаницу и разрушение дисциплины в украинской армии, возглавляемой гетманом". В ответ Деникин сообщал: "Приказа в редакции, появившейся в киевских газетах, я не отдавал... Раз Украина встала на путь русской государственности, представляется необходимым войти в соглашение по вопросам образования единого фронта, единого командования для борьбы с большевиками и единого представительства на международном конгрессе"²⁵. Тон ответной телеграммы да и сам факт прямого обмена посланиями свидетельствовали о готовности деникинского командования пойти на контакт с новым украинским правительством. Одновременно Деникин отдал приказ, фактически приравнявший участие в формируемых в Киеве офицерских отрядах к службе в Добровольческой армии²⁶.

Есть основание предполагать, что в это время планировалось очередное изменение состава гетманского Совета Министров. В качестве кандидата на пост премьера предполагался А.В. Кривошеин. Это могло трансформировать украинское правительство в зародыш общероссийской власти. Такое положение должно было устраивать министров, может быть, в меньшей мере - гетмана, но с ним понемногу переставало считаться даже его ближайшее окружение²⁷.

Однако главные надежды в осажденной гетманской столице возлагались на помощь Антанты. В конце ноября 1918 г. в Одессе высадился французский десант. В Киев в качестве генерального консула и полномочного эмиссара союзников был назначен французский офицер Ж. Энно, ранее входивший в состав военной миссии в России. Киевские газеты изобиловали успокаивающими обывателям известиями: "Из официальных источников сообщают о предстоящем на этих днях прибытии в город французских воинских частей. Военной администрации поручено озабочиться подготовкою помещений для воинских частей доблестных союзников"²⁸. О союзниках ходили самые фантастические слухи. Говорили, что они обещали дать гетману "зажигательный порошок и фиолетовые лучи", с помощью которых войска Петлюры будут немедленно разбиты²⁹.

Но столь волновавший булгаковских героев вопрос - "и где же сенегальцев роты?" - так и остался без ответа. Многие киевляне повторяли стихотворные строки на злобу дня:

Мы сидим, сидим вроде узников
И все ждем чудес от союзников.
Господин Энно! Господин Энно!
А ему плевать! И глядеть смешно³⁰.

Не только "сенегальцев роты", но и сам Энно до Киева так и не добрался. Единственным представителем союзников, которого воочию увидели в городе, был французский вице-консул Мулен, чьи полномочия были крайне неопределенными.

В правящих кругах Украинской державы тем временем продолжалась борьба честолюбий. Скоропадский приказом от 18 ноября 1918 г. назначил главнокомандующим вооруженными силами генерала от кавалерии графа Ф.А. Келлера. Ему же оказались подчинены и гражданские власти, поскольку вся территория Украины была объявлена театром военных действий. Новый главнокомандующий пользовался достаточной популярностью среди офицерства. В числе его предков были фельдмаршалы Х.А. Миних и П.Х. Витгенштейн, немало сделавшие в прошлом для России на поприще военной и государственной службы. Но сам Келлер оставался в первую очередь генералом с характерной прямолинейностью мышления и стойким недоверием к штатским политикам и политике вообще.

К тому же граф Келлер был монархистом, причем из числа убежденных, или, как полагали его недоброжелатели, твердолобых. В феврале 1917 г., командуя 3-м конным корпусом, он выразил готовность с оружием в руках выступить на защиту трона. За это Келлер был отправлен в отставку. В дни революции он принимал участие в деятельности нелегальных монархических организаций и планировался ими на роль будущего диктатора³¹. Позже Келлер в качестве частного лица жил в Харькове, рассыпая гетману, командованию Добровольческой армии и множеству других адресатов письма, в которых призывал их открыто выдвинуть монархические лозунги³². Кандидатура Келлера в качестве командующего рассматривалась при создании Южной армии, но ее организаторов смущил неуживчивый характер генерала.

Получив назначение от гетмана, Келлер окружил себя деятелями Монархического блока. Уже на третий день он издал приказ с призывом к восстановлению свергнутой династии и лишь после уговоров согласился временно не придавать его широкой гласности. Распоряжением главнокомандующего от 19 ноября 1918 г.

была объявлена всеобщая мобилизация. Но обыватели, схваченные офицерскими караулами прямо на улицах, представляли собой весьма неснадежный контингент. Сам Келлер писал об этом в своем дневнике: "Большинство призванных не скрывают, что они драться не желают, так как нужно будет выступать против своих братьев и родственников, набранных Петлюрой в окрестных с Киевом деревнях"³³.

Келлер вел себя так, будто бы ни гетмана, ни гетманского правительства уже не существовало. Но это оказалось преждевременным. Пробыв на своем посту лишь около недели, Келлер 26 ноября был заменен генералом князем А.Н. Долгоруковым. Политические взгляды к этому отношения не имели, ибо Долгоруков также входил в Монархический блок и даже числился в нем товарищем председателя. Новый главнокомандующий прежде всего был озабочен тем, чтобы не повторить судьбу своего предшественника. По его приказу 6 декабря был арестован, но, правда, через несколько часов отпущен на свободу, деникинский эмиссар генерал П.Н. Ломновский. Мотивом ареста стал якобы существовавший в офицерских дружинах заговор против гетманских властей.

Действительно, конспирации и заговоры расцветали в те дни в Киеве пышным цветом. В городе, почти не скрываясь, действовала петлюровская "пятая колонна", активизировалось большевистское подполье. Даже мало кому известный умеренно-социалистический Союз возрождения России тоже строил планы свержения гетмана. Союз начал формировать собственный вооруженный отряд для того, чтобы арестовать Скоропадского, но желающих записаться в него нашлось только 27 человек³⁴. Представители Союза были внедрены в гетманскую армию. Среди них находился уже известный к тому времени литературовед и писатель В.Б. Шкловский, командовавший в Киеве 4-м автопанцирным дивизионом. В решающий момент Шкловский внес свой вклад в события, выведя из строя находившиеся в его распоряжении броневики³⁵.

Тем временем кольцо вокруг Киева сжималось все более плотно. Осадивших город петлюровцев было до 70-80 тыс. человек, но в регулярных частях насчитывалось не более 5 тыс. Защитников города числилось до 30 тыс., на позициях же находилось примерно 3 тыс. Силы, таким образом, были примерно равны. У сторонников гетмана имелся безусловный технический перевес: около тысячи пушек, до 90 броневиков, 2 бронепоезда, 10 аэропланов³⁶. Но боевой дух их был изначально подорван. Один из очевидцев писал в эти дни:

"Офицеры на позициях, видя происходящие безобразия, ропщут. Они говорят: пусть воюют штабы, а мы не хотим умирать за 4 000 десятин графа Гейдена"³⁷. Зима в тот год выдалась на редкость морозная и снежная. Офицеры же направлялись на "киевский фронт" без теплой одежды и валяных сапог. Число находившихся на передовой было недостаточно для организации действительно прочного заслона. На решающем участке в районе Поста Волынского отряд в 60-80 человек занимал линию протяженностью в 6 верст. Наконец, не могло не сказываться явно враждебное отношение к офицерам со стороны местного населения. Фронт держался только на инерции и готов был рухнуть в любой момент.

Конец гетманской эпопеи наступил внезапно. В ночь на 13 декабря 1918 г. вице-консул Мулен по просьбе правительства выехал на переговоры с Директорией. Поезд Мулена под флагами нейтральных стран - Швейцарии и Норвегии - проследовал до Поста Волынского. Далее от Жулян начиналась территория, которую контролировали восставшие. Здесь делегацию уже ожидал петлюровский бронепоезд. На следующий день на станции Боярка состоялись переговоры Мулена и Петлюры. Но еще раньше немецкие части, стоявшие на подступах к Киеву, неожиданно снялись с позиций и отошли в город. Выяснилось, что в эти же часы в Казатине было заключено соглашение между германским командованием и петлюровцами. В обмен на беспрепятственную эвакуацию немцы обязались не мешать вступлению петлюровцев в столицу Украины.

Утром 14 декабря в гетманское Министерство иностранных дел по телефону сообщили, что в Киев наконец прибывает Энно. Радостное известие немедленно было передано в штаб главнокомандующего и офицерские дружины. После долгих поисков автомобиля сотрудники министерства отправились на вокзал. Каково же было их разочарование, когда выяснилось, что слух ложный и речь идет только о возвращении Мулена! Первым делом вице-консул отправился во дворец Скоропадского, а оттуда - в штаб главнокомандующего на Банковскую улицу, где проходило экстренное заседание Совета Министров. После обсуждения ситуации, во время которого обнаружилась ее полная безнадежность, правительство постановило сложить полномочия и передать функции по охране порядка городской думе³⁸.

Когда же министры прибыли с данным решением в гетманский дворец, выяснилось, что Скоропадский его уже покинул. Перед этим он отправил на телеграф свое последнее заявление: "Я, гетман вся

Украины, в течение семи с половиной месяцев все силы свои клал на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в каком она находится. Бог не дал мне сил справиться с этой задачей и ныне, ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благами Украины, от власти отказываюсь. Павло Скоропадский. 14 декабря 1918 года³⁹.

Немцы оказали своему ставленнику последнюю услугу, вывезя его за границу. В последующие годы Скоропадский жил на собственной вилле в берлинском пригороде Ванзее. Неудачи не отбили у него вкуса к власти. Экс-гетман возглавил группировку сторонников украинской монархии, угрюмо враждовавшую с более многочисленной петлюровской эмиграцией. После установления гитлеровского режима Скоропадский встал на путь тесного сотрудничества с нацистами. Бывший правитель Украины дожил до глубокой старости, но умереть своей смертью ему не пришлось. Скоропадский был убит в апреле 1945 г. во время бомбардировки американской авиацией станции Меттен в Баварии.

Большей части гетманских министров тоже удалось скрыться из Киева. Несколько же человек - сам премьер С.Н. Гербель, министр юстиции В.Е. Рейнбот, товарищ министра внутренних дел С.Т. Варун-Секрет и товарищ министра земледелия Г.П. Ненарокомов - были арестованы петлюровцами и помещены под стражу в гостинице "Версаль" на Подвальной улице. Распоряжением от 21 декабря 1918 г. Директория создала особыю комиссию для расследования деятельности высших сановников свергнутого режима. За отсутвием соответствующих украинских законов им было предъявлено обвинение по статье 102-й Уголовного уложения Российской империи. Ситуация создалась щекотливая, так как статья предусматривала наказание за "попытку ниспровержения существующего строя, выразившуюся в покушении на отделение от России части ее территории", в то время как арестованным вменялось в вину именно посягательство на украинскую независимость. С бегством же Директории из Киева после прихода большевиков министры были вывезены в Каменец-Подольск. К этому времени вся история стала терять свою актуальность, и в апреле 1919 г. они были выпущены на свободу⁴⁰.

Последний гетманский главнокомандующий князь А.Н. Долгоруков сумел бежать в Одессу. Туда же, под защиту французов, потянулись все те, для кого столица Украины внезапно стала неуютной. Беженские настроения нашли отражение в стихах поэта-сатирика В.П. Мятлева:

Виктория! Виктория!
Окончен славный бой.
Петлюра, Директория,
Флаг желто-голубой,
Народа правомочия,
Сияние зари,
И прочая, и прочая...
И - черт вас всех дери!⁴¹.

Бежавшее начальство бросило на произвол судьбы тысячи рядовых офицеров. Находившимся на фронте отрядам пришлось пешком отступать в город. Петлюровцы вели наступление со стороны Лавры и по Святошинскому шоссе. Пока за Днепром не было неприятеля, существовала возможность наладить организованный отход. Но этому помешала паника. Кто-то бросил призыв пробиваться к Педагогическому музею⁴². Со всех концов к центру Киева потянулись разрозненные отряды и одиночки. К вечеру 14 декабря 1918 г. в музее собралось свыше 2 тыс. человек. Петлюровцы не рискнули трогать эту массу и ограничились тем, что окружили здание охраной. Тех же, кто был застигнут на улице, как правило, ожидала смерть. В эти дни погиб и граф Келлер, расстрелянный прямо на площади перед Софийским собором. Сабля, снятая с убитого генерала, была торжественно преподнесена Петлюре.

Судьба офицеров, изолированных в Педагогическом музее, долгое время оставалась неопределенной. По настоянию деникинского командования союзные представители из Одессы несколько раз требовали от украинских властей освобождения арестованных. Но Директория сделала это объектом торга, выдвигая встречным условием признание нового киевского правительства. Трудно сказать, сколько бы длилось такое положение, если бы не разыгравшаяся в Киеве очередная трагедия. В 10 часов вечера 27 декабря 1918 г. здание Педагогического музея неожиданно потряс страшный взрыв. Осколки огромного стеклянного купола посыпались вниз, пронзая тяжелые дубовые скамьи. От взрыва пострадали соседние дома, имелись раненые среди прохожих. В самом здании число убитых и раненых составило около 200 человек. Очевидец этого писал по свежим следам: "Истерики и плач родственников заключенных, выкрики фанатиков-украинцев о том, что пора перевешать всех офицеров, я наблюдал сам, и под впечатлением виденного, под впечатлением тех разговоров, которые мне пришлось вести с офицерами, нет сил сосредоточиться на

чем-нибудь другом, кроме этой новой Голгофы, нового Ярославля для брошенных на произвол офицеров"⁴³.

Причины взрыва остались невыясненными. Напрашивалась мысль о террористическом акте, хотя украинские власти и попытались было обвинить самих арестованных в стремлении таким образом организовать побег. Под этим предлогом 40 генералов и старших офицеров были переведены в Лукьянскую тюрьму. Но под давлением союзников в дело в последний раз вмешались немцы. Оставшиеся в Педагогическом музее офицеры числом около 1 200 были посажены в эшелоны и вывезены в Германию⁴⁴.

Эти события поставили точку в гетманской эпопее. Правда, в Одессе оставшиеся не у дел сановники прежнего режима еще некоторое время продолжали плести интриги. На этот раз кандидатом в гетманы назывался харьковский помещик Котов-Конашенко, выдававший себя за потомка гетмана П. Сагайдачного. Но все это уже носило чисто анекдотический характер и серьезных последствий иметь не могло. Гражданская война на Украине вступала в новую фазу, где действовали иные политические силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Скоропадский продержался у власти лишь немногим больше полугода. Казалось бы, на этом основании его правление можно рассматривать как случайный эпизод гражданской войны. Но стоит вспомнить, что с февраля по октябрь 1917 г. прошел примерно такой же срок, а между тем вся жизнь страны за это время кардинально изменилась. Конечно, и масштабы и следствия таких изменений в интересующем нас случае были иные. Тем не менее, короткий период существования Украинской державы дает весьма интересный материал для анализа.

Один из современников, оставивший воспоминания о правлении Скоропадского, назвал это время "переэкзаменовкой". "Коммунизм своей тяжелой рукой уже потрепал интеллигенцию, буржуазию и бюрократию. И вот им дается передышка для того, чтобы сдать экзамен или переэкзаменовку не только на право существования, но и управления всей страной, если они сумеют подготовиться и сорганизоваться на здоровых началах... От поведения этих трех элементов общества зависел успех случайного подарка судьбы, если русская революция была явлением наносным, а не

исторически неизбежным, что и требовалось доказать”¹. Вплоть до осени 1918 г. гетманская Украина оставалась единственной территорией, где могла быть реализована модель политического и социального устройства, альтернативная большевистской.

Попытки осуществить эту альтернативу были позднее заложены и в деятельности других антибольшевистских государственных образований. Но “киевская перезаменовка” оказалась первой и, добавим, самой неудачной. Если крушение колчаковского или деникинского режимов стало следствием военного поражения и потому тут можно спорить о степени значимости факторов различного характера, то власть гетмана рухнула в одночасье.

Причины этого нужно искать в самом характере гетманского переворота. Повсеместно антибольшевистское движение было реакцией на коммунистическую диктатуру. На Украине же за месяц пребывания у власти большевики не успели проявить себя в той мере, чтобы вызвать массовое сопротивление. Подтверждением может служить то, что при вторичном появлении в январе 1919 г. они фактически не встретили противодействия. Естественный для любой революции сдвиг массового сознания вправо, что, собственно, и порождает контрреволюцию, на Украине был пресечен немецкой оккупацией. Именно пресечен, а не ускорен, поскольку в самостоятельном развитии соответствующие социально-политические процессы еще не дошли до этой стадии.

Искусственный характер гетманского режима определил его слабость. На первый взгляд, условия, в которых ему пришлось существовать, были идеальными. Не говоря о мощном людском и экономическом потенциале Украины, в его распоряжении была возможность для мирного государственного строительства. Такого не знала ни Советская Россия, ни другие антибольшевистские правительства, вынужденные воевать с первого до последнего дня. Спокойствие же гетманской державы надежно охраняли немецкие штыки. Однако это снимало всякую необходимость каких-либо перемен. Белогвардейские режимы Колчака и Деникина стали частью переволюционной истории. Украинская же держава гетмана Скоропадского была слепком ушедшей эпохи. Слепком заведомо карикатурным, потому-то она и воспринималась современниками как нечто иллюзорное, как сугубо временная конструкция. Отсюда же и тот оттенок фарса, который присутствует в описаниях всех мемуаристов.

Что касается национального элемента, то он носил характер защитной окраски, причем весьма поверхностной. Не касаясь вопроса о тогдашней степени развития украинского национального самосознания, отметим, что гетман не сумел использовать его как консолидирующий фактор в противовес "русскому" большевизму. Да попросту и не мог, поскольку большевизм, во всяком случае в истории русско-украинских отношений, меньше всего был национально окрашен. Собственно, и петлюровское движение в своей стихийной крестьянской ипостаси имело ту же природу, что и большевизм.

Скоропадский не создал и почти не пытался создать сколько-нибудь прочной опоры своей власти. Это и обусловило почти мгновенный крах режима после того, как исчезла внешняя поддержка. Фарс завершился трагедией, не первой и не последней в истории гражданской войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

1. См., например: Супруненко Н.И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918-1920). М., 1966; Белан Ю.Я. Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году. Киев, 1960.

2. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром: октябрь 1917-1920 гг. М., 1982; Зимина В.Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на юге России в годы гражданской войны и интервенции. Калинин, 1989; Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987.

3. Дорошенко Д.И. Гетманство 1918 г. на Украине // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1927. Т. 5 (18); Дорошенко Д. Історія Україні 1917-1923 рр. Ужгород, 1932.

4. См. указатель этих публикаций: Шаталина Е.П. История гражданской войны и интервенции на Украине в советских документальных публикациях. Киев, 1982.

5. Крах германской оккупации на Украине. По документам оккупантов. М., 1936.

6. Революция на Украине. Мемуары белогвардейцев. М., 1930.

7. Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год
// Простор (Алма-Ата). 1992. N 5-6.

Г л а в а I. ПЕРЕВОРОТ СКОРОПАДСКОГО

1. Ленин В.И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 145.
2. Ленин В.И. Постановление СНК об ответе Рады Совету народных комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 211.
3. Зайцов А. 1918 год. Париж, 1934. С. 232.
4. Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918. Л., 1929. С. 133.
5. Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов: Документы и материалы. Киев, 1937. С. 24, 28, 32.
6. Могилянский Н.М. Трагедия Украины // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 82.
7. Последние новости (Киев). 1918. 7 марта.
8. Киевская мысль. 1918. 10 марта.
9. Последние новости (Киев). 1918. 12 янв.
10. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 290.
11. Киевская мысль. 1918. 10 марта.
12. Там же. 10 апр.
13. Там же. 19 марта.
14. Крах германской оккупации на Украине. По документам оккупантов. М., 1936. С. 30.
15. Послужной список П.П. Скоропадского // Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 409, оп. 1, д. 46523, л. 2. Автор благодарит А.И. Дерябина, любезно предоставившего эту информацию.
16. Маляревский А. П. Скоропадский, гетман всея Украины. Киев, 1918. С. 12.
17. Крах германской оккупации на Украине... С. 124.
18. Очерки о политической обстановке на Украине в 1918 году // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 14, л. 60.

19. Уривки із споминів гетьмана Павла Скоропадського // Хліборобська Україна. Вена, 1922. Кн. 4. С. 37.
20. Последние новости (Киев). 1918. 10 марта.
21. Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год // Простор (Алма-Ата). 1992. N 6. С. 18.
22. Шемет С. До історії української демократично-хліборобської партії // Хліборобська Україна. Вена, 1920. Кн. 1. С. 67.
23. Уривки із споминів гетьмана Павла Скоропадського // Хліборобська Україна. Вена, 1925. Кн. 5. С. 46.
24. Дорошенко Д.И. Гетманство 1918 года на Украине // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1927. Т. 5(18). С. 155.
25. Ф.Р.Штейнгель - Министерству закордонных справ. 20 июля 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 17, л. 1.
26. Дорошенко Д.И. Гетманство 1918 года на Украине. С. 156.
27. Симанович А. Воспоминания бывшего секретаря Григория Распутина. Рига, 1924. С. 133-136.
28. Крах германской оккупации на Украине...С. 52.
29. Киевская мысль. 1918. 23 июля.
30. Дорошенко Д.И. Гетманство 1918 года на Украине...С. 158.
31. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний. 1917-1921 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 215.
32. Там же.
33. В начале 1919 г. Ткаченко стал одним из основателей Коммунистической партии Украины (не путать с КП(б)У), отражавшей взгляды так называемого "национал-коммунизма".
34. Киевская мысль. 1918. 26 июля.
35. Крах германской оккупации на Украине... С. 55.
36. Наш век (Петроград). 1918. 3 мая.
37. Михайлов Г. Гетманский переворот в Житомире // Летопись революції (Харьков). 1928. N 4(31). С. 134.
38. Дорошенко Д.И. Гетманство 1918 года на Украине. С. 162.
39. Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 15.
40. Наш век (Петроград). 1918. 8 мая.
41. Гофман М. Записки и дневники... С. 139.
42. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 32. Здесь телеграмма датирована по старому стилю 13 апреля 1918 г.
43. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний... С. 217.
44. Рафес М. Два года революции на Украине. М., 1920. С. 85.

Г л а в а II. ГЕТМАН И ЕГО МИНИСТРЫ

1. Гражданская война в России (1918-1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 357.
2. Крах германской оккупации на Украине. По документам оккупантов. М., 1936. С. 133.
3. Там же. С. 128.
4. Трубецкой Е.Н. Из путевых записок беженца // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 145.
5. Южный край (Харьков). 1918. 12 окт.
6. Возрождение (Харьков). 1918. 19 июня.
7. Маляревский А. На переэкзаменовке. П.П. Скоропадский и его время // Архив гражданской войны. Берлин, б/г. Т. 2. С. 117.
8. См.: Федюк В.П. Конференция кадетской партии в мае 1918 г. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 120.
9. Маляревский А. На переэкзаменовке... С. 117.
10. Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917-1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 9.
11. Справка о роли Игоря Кистяковского в Киеве в 1918 году // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 116, л. 88.
12. Оболенский В. Крым при немцах // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. 6. С. 57.
13. Донесение агента "Иже" из Одессы 25 января 1919 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 20, л. 129.
14. Киевская мысль. 1918. 26 июля.
15. "От власти отказываюсь...": Документы о гетманщине из архива харьковского губернского старосты // Летопись революции (Харьков). 1924. N 2(7). С. 225.
16. Пташинський П. Організація збройних сил української і російської контрреволюції та бюджет гетманщини (1918 р.) // Архів Радянської України (Києв). 1932. N 4-5. С. 33!.
17. Донесение генерал-майора Толмачева о командировке в Киев. 10 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 86.
18. Доклад генерального штаба капитана Петрова начальнику разведывательного отдела штаба Добровольческой армии. 27 сентября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 103.

19. Паустовский К. Повесть о жизни // Собр. соч. М., 1968. Т. 4. С. 615.
20. Раевский Н. Тысяча девятьсот восемнадцатый год // Простор (Алма-Ата). 1992. N 6. С. 14.
21. Доклад генерального штаба капитана Петрова... // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 103.
22. Яконовский Е. Сумы в восемнадцатом году // Военная быль (Париж). 1953. N 5. С. 11.
23. Омельянович-Павленко. На Україні. 1917-1918. Прага, 1935. С. 88.
24. Милоданович В. "Полтавский бой" 27 ноября 1918 года // Военная быль (Париж). 1970. N 104. С. 24.
25. Доклад генерального штаба капитана Петрова... // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 108.
26. Омельянович-Павленко. На Україні... С. 95.
27. Маляревский А. На перезаменовке... С. 131.
28. Крах германской оккупации на Украине... С. 65.
29. Там же. С. 80.
30. Крымский вестник (Севастополь). 1918. 13 июля.
31. Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. // Красный архив. 1934. N 6(67). С. 97.
32. Черячукин А.В. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918-1919 гг. // Донская летопись. Белград, 1924. Т. 3. С. 186.
33. Протокол совещания представителей Добровольческой армии и Кубанского правительства. 10 июня 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 23, л. 1.
34. Барон Боржинский - Министерству закордонных справ. 29 октября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 440, оп. 1, д. 21, л. 16.
35. Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907-1918. Берлин, 1935. Т. 2. С. 281.
36. Гражданская война в России... С. 344.
37. Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму. 1917-1920 гг. Симферополь, 1927. С. 181.
38. Южный край (Харьков). 1918. 12 окт.
39. Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 56.
40. Врангель П.Н. Записки. М., 1991. Т. 1. С. 59.
41. О гетмане, Мазепе, Лизогубе и именинах Павла Скоропадского // Летопись революции (Харьков). 1925. N 2(11). С. 87-90.

42. Левицький К. Великий зрив. До історії української державності від березня до листопада 1918 р. Львів, 1931. С. 99.
43. Киевская мысль. 1918. 30 июля.
44. Державний вістник (Киев). 1918. 31 травня.
45. Записки протопресвитера Г. Шавельского // ЦГАОР СССР. Ф. 5827, оп. 1, д. 190, л. 1.
46. Державний вістник (Киев). 1918. 16 червня.
47. Русский голос (Киев). 1918. 17 нояб.
48. Державний вістник (Киев). 1918. 19 червня.
49. Из архива Министерства закордонных справ Украинской державы // Летопись революции (Харьков). 1924. N 1(6). С. 275.
50. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1917. N 8. Отдел 1-й. С. 121.
51. Народное дело (Киев). 1918. 21 июля.
52. М.В. Алексеев - А.И. Деникину. 26 июня 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 1, л. 39.
53. Киевская мысль. 1918. 23 июня.
54. Маляревский А. На переэкзаменовке... С. 116.
55. Топольский А. На Украине в эпоху гетманщины: из истории левых с.-р. Украины // Летопись революции (Харьков). 1925. N 2(11). С. 50.
56. Қаховская И. Террористический акт против генерала Эйхгорна // Летопись революции (Харьков). 1924. N 2(7). С. 172-184.

Г л а в а III. ГЕТМАН, ОККУПАНТЫ И РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ

1. Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С. 152.
2. Тэффи Н.А. Воспоминания // Житье-бытье. М., 1991. С. 310.
3. Плещко Н. Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 218.
4. Донесение генерал-майора Толмачева о командировке в Киев. 10 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 88.
5. Кришевский Н. В Крыму: 1916-1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 120.
6. В.В. Шульгин - А.В. Колчаку. 21 июня 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 53, л. 24-28. Письмо не подписано, но его содержание доказывает авторство Шульгина. Об этом письме

упоминает и А.И. Деникин, однако неверно датирует его (см.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т.3. С. 87).

7. Резолюция майской 1918 г. конференции кадетской партии по вопросам международной политики // ЦГАОР СССР. Ф. 579, оп. 1, д. 623, л. 5.

8. Дневник П.Н. Милюкова. Переговоры с немцами в 1918 году // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 66. С. 183.

9. Милюков П.Н. Мои сношения с генералом Алексеевым // Последние новости (Париж). 1924. 3, 6 апр.

10. Записка П.Н. Милюкова в "Правый центр". 11 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 5827, оп. 1, д. 65, л. 1.

11. Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов: Документы и материалы. Киев, 1937. С. 318.

12. Обращение Совета совещания членов законодательных палат командованию Добровольческой армии. Октябрь 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 5827, оп. 1, д. 80, л. 1.

13. Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917-1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 31.

14. Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907-1918. Берлин, 1935. Т. 2. С. 281.

15. Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 15.

16. Брайкевич М. "Из революции нам что-нибудь..." // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. 5. С. 222.

17. Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 19.

18. Мякотин В. Из недалекого прошлого: в Киев при гетмане // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. 5. С. 253.

19. Сводка о положении на Украине. 16 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 33.

20. Донесение генерал-майора Толмачева... // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 84.

21. Донесение агента "Буки" из Киева. 31 декабря 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 20, л. 87.

22. Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1936. С. 222.

23. Соглашение Астраханского казачьего войска с Советом Монархического блока // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 95, л. 5.

24. Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 56.

25. Отчет генерала Н.Э. Бредова об обследовании Астраханского корпуса // ЦГАОР СССР. Ф. 5827, оп. 1, д. 103, л. 5.

26. Лейхтенбергский Г. Как начиналась "Южная армия" // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 169.
27. Пташиньский П. Організація збройних сил української і россійської контрреволюції та бюджет гетманщини (1918 р.) // Архів Радянської України (Киев). 1932. N 4-5. С. 325.
28. Листовка "Русские люди". Сентябрь 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 95, л. 7.
29. Пташиньский П. Організація збройних сил... С. 324.
30. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978. Кн. 1. С. 143.
31. Залесский П.И. Южная армия: краткий исторический очерк // Донская летопись. Белград, 1924. Т. 3. С. 236.
32. А.М. Драгомиров - П.Н. Краснову. 12 октября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 28, л. 139.
33. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 243.
34. Там же. С. 237; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 124.
35. Залесский П.И. Южная армия. С. 247.
36. Представитель Добровольческой армии при Донском правительстве генерал Е.Ф. Эльснер - А.М. Драгомирову. 28 декабря 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 95, л. 42.
37. В.В. Шульгин - А.М. Драгомирову. 6 октября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 95, л. 14.
38. Сводка о положении в Астраханской губернии. 20 октября 1919 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 69, л. 236.
39. Брусилов А.А. Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1990. N 2. С. 63.
40. Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. С. 189. См. также: Щетинов Ю.А. Угасание кадетского либерализма: деятельность кадетов в белой эмиграции // Вестн. МГУ. Сер. история. 1988. N 4. С. 42.
41. Лейхтенбергский Г.Н. Воспоминания об "Украине". 1917-1918. Берлин, 1921.

Глава IV. ПАДЕНИЕ КИЕВА

1. Приазовский край (Ростов н/Д). 1918. 11 сент.

2. Донесение агента "Аз" из Киева. 4 октября 1918 г.
// ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 133.
3. Донесение генерал-майора Толмачева о командировке в Киев. 10 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 88.
4. Краткая записка истории взаимоотношений Добровольческой армии с Украиной // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 16, л. 1.
5. Донесение агента "Каппа" из Киева. 7 октября 1918 г.
// ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 136.
6. Запись беседы с гетманом 9 октября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 17, л. 2.
7. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 4. С. 188.
8. Крах германской оккупации на Украине. По документам оккупантов. М., 1936. С. 136.
9. Киевская мысль. 1918. 27 окт.
10. Там же. 11 нояб.
11. Сводка Осведомительного отделения о положении на Украине. 9(22) ноября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 129, л. 1; Киевщина в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Киев, 1962. С. 129.
12. Киевская мысль. 1918. 16 нояб.
13. Южное слово (Харьков). 1918. 19 нояб.
14. Представитель Добровольческой армии при Донском правительстве генерал Е.Ф. Эльснер - А.М. Драгомирову. 8 ноября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 28, л. 253.
15. Донесение агента "Иже" из Киева. 2 декабря 1918 г.
// ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 17, л. 15.
16. Милоданович В. "Полтавский бой" 27 ноября 1918 г.
// Военная быль (Париж). 1970. N 104. С. 27.
17. Сементовский С. Екатеринославский поход // Военная быль (Париж). 1959. N 37. С. 25.
18. Русский голос (Киев). 1918. 20 нояб.
19. Нефедов Н. Украина в 1918 году // Вече (Мюнхен). 1986. Кн. 21. С. 119.
20. Письмо из Киева (адресат и отправитель неизвестны) 5 декабря 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 263.
21. Донесение агента "Иже" из Киева. 2 декабря 1918 г.
// ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 17, л. 12.

22. Франц Г. Эвакуация германскими войсками Украины: зима 1918-1919 гг. // Историк и современник. Берлин, 1922. Т. 2. С. 267.
23. Пташинський П. Організація збройних сил української і російської контрреволюції та бюджет гетманщини (1918 р.) // Архів Радянської України (Киев). 1932. N 4-5. С. 299-301.
24. Там же. С. 314.
25. Краткая записка... // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 1, д. 16, л. 2.
26. Приказ генерала А.И. Деникина по центрам. 18 ноября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 101, л. 44.
27. Разговор по прямому проводу Е.А. Климовича и А.М. Драгомирова. 20 ноября 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 101, л. 56.
28. Киевская мысль. 1918. 26 нояб.
29. Вечернее время (Новороссийск). 1918. 7 дек.
30. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 259.
31. Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928. С. 193.
32. Ф.А. Келлер - А.И. Деникину. 2 августа 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 5827, оп. 1, д. 53, л. 1.
33. Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 434.
34. Мякотин В. Из недалекого прошлого: в Киеве при гетмане // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. 5. С. 255.
35. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 169.
36. Записка А.А. Котлецова о событиях в Киеве в декабре 1918 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 440, оп. 1, д. 21, л. 18.
37. Письмо из Киева... // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 43, л. 263.
38. Одесский листок. 1918. 22 дек.
39. "От власти отказываюсь...": Документы о гетманщине из архива харьковского губернского старосты // Летопись революции (Харьков). 1924. N 2(7). С. 224.
40. Протокол заседания Совета государственного объединения России. 13 мая 1919 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 8, л. 7.
41. Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С. 175.
42. Гуль Р. Киевская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 75.

43. Донесение агента "Око" из Киева. 28 декабря 1918 г.
// ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 20, л. 5.
44. А.И. Деникин - командующему союзными войсками в Одессе генералу д'Ансельму. 23 января 1919 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 446, оп. 2, д. 64а, л. 18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Маляревский А. На переэкзаменовке. П.П. Скоропадский и его время // Архив гражданской войны. Берлин, б/г. Т. 2. С. 111.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Г л а в а I. Переворот Скоропадского	5
Г л а в а II. Гетман и его министры	23
Г л а в а III. Гетман, оккупанты и русские монархисты	37
Г л а в а IV. Падение Киева	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	68

Ф е д ю к Владимир Павлович

**УКРАИНА В 1918 году.
ГЕТМАН П.П. СКОРОПАДСКИЙ**

**Редактор В.Н. Чулкова
Корректор Т.В. Яблокова**

Подписано в печать 16.04.93. Формат 60x84/16.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл.печ. 5,0.
Уч.-изд.л. 5,2. Тираж 700 экз. Заказ 2697.
"С" 14.

**Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.**

**ЯГИПП "Полиграфия".
150000 Ярославль, ул. Республикаанская, 61.**